И. Д. ГАЛЬПЕРИНЪ-КАМИНСКІЙ.

ОБЩАЯ ПОЛЬЗА

АВТОРСКАГО ПРАВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, 136—138.
1894.

И. Д. ГАЛЬПЕРИНЪ-КАМИНСКІЙ.

ОБЩАЯ ПОЛЬЗА
АВТОРСКАГО ПРАВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, 136—138.
1894.

Дозволено цензурою. Спб. 21 Января 1894 г.

Общая польза авторскаго права.

(Докладъ читанный въ Русскомъ Обществѣ книгопродавцевъ и издателей 15 Января 1894 года, и передъ Совѣтомъ и специальной Коммиссией Русскаго Литературнаго Общества 17 Января 1894 года).

I.

Милостивые Государи!

Уполномоченный французскими обществами литераторовъ, композиторовъ, художниковъ и издателей, я честь имѣю благодарить Правленіе Русскаго Общества книгопродавцевъ и издателей за доставленный мнѣ случай изложить мои соображенія о франко-русской литературной и художественной конвенціи.

Прежде всего, позвольте мнѣ, М. Г., въ нѣсколькихъ словахъ указать на тѣ причины, которыя привели моихъ французскихъ собратьевъ къ мысли довѣрить мнѣ миссію обмѣняться мнѣніями по этому вопросу съ издательскими и литературными учрежденіями въ Россіи.

Миссія эта показалась намъ своевременной не въ виду какихъ-нибудь посторонныхъ побужденій, хотя бы и самаго высшаго свойства, какъ «франко-русскія симпатіи», а просто потому, что за послѣднее время начали раздаваться голоса изъ самой Россіи въ пользу необходимости болѣе справедливаго и обоюдно выгоднаго установленія литературно-художественныхъ международныхъ отношеній. Докладъ въ пользу авторскаго права иностранныхъ писателей бывшаго профессора граждан-

скаго права г. Борзенко, представленный имъ на литературномъ конгрессѣ въ Миланѣ 1892 г.; воспроизведеніе этого доклада и сочувственныя ему комментаріи сначала «*Судебной Газеты*», а затѣмъ «*Новаго Времени*» въ номерахъ прошлаго года; статьи того же компетентнаго ученаго и въ томъ же духѣ въ «*Русскомъ Обозрѣніи*», гр. Комаровскаго въ «*Русской Мысли*» и проч., все это подало поводъ думать, что занимающій насъ вопросъ уже на очереди. Мнѣніе это получило новое подтвержденіе во время послѣднихъ франко-русскихъ празднествъ, когда почти всѣ делегаты русской печати заявили своимъ французскимъ собратьямъ о справедливости принципа международнаго авторскаго права и о ихъ готовности защищать его въ своихъ органахъ. Тогда знаменитый писатель и президентъ французскаго общества литераторовъ, Эмиль Золя, рѣшился напечатать, по адресу русской печати, извѣстное уже вамъ открытое письмо, а я, какъ давно, практически и теоретически знакомый съ вопросомъ, получилъ миссію снестись главнымъ образомъ съ непосредственно заинтересованными въ немъ русскими издателями и авторами.

Часть русской печати, «*Новое Время*», «*Свѣтъ*», «*Петербургскія Вѣдомости*» и другіе уже высказались, по поводу предложенія Эмиля Золя весьма сочувственно. Другая часть повременныхъ изданій, приводя доводы, главнымъ образомъ, противъ права авторовъ на переводъ ихъ произведеній, также признала, за нѣкоторыми исключеніями, принципъ международной литературно-художественной собственности и необходимости интернаціональнаго соглашенія по этому вопросу. Наиболѣе горячая защитница полной свободы перевода, газета «*Новости*», и та ничего не имѣетъ противъ заключенія литературной конвенціи для огражденія иностранныхъ авторовъ отъ «незаконнаго воспроизведенія подлинныхъ ихъ сочиненій».

Но какъ мы не дорожимъ мнѣніемъ печати, этой большей частью выразительницею общественныхъ желаній, интересующій насъ вопросъ можетъ быть обстоятельно разсмотрѣнъ и обсужденъ преимущественно людьми прямо соприкосновенными къ издательскому, книгопродавческому и театральному дѣлу, и представителями литературнаго, научнаго, художественнаго и музыкальнаго труда. Въ этомъ отношеніи большее значеніе можетъ имѣть заявленіе сочувствія «въ принципѣ объ охранѣ музыкально-художественной собственности», сдѣланное въ его не-

давнемъ письмѣ, напечатанномъ въ «*Новомъ Времени*» главою извѣстной издательской фирмы Бессель и К°. Правда, г. Бессель, теперь какъ и прежде, «не можетъ понимать и поддерживать» эту собственность иначе, какъ «при полнѣйшемъ предварительномъ уравненіи русскихъ законовъ съ законами иностранными и одновременнаго всеобщаго соглашенія русскаго правительства со всѣми европейскими государствами, а не съ одной Франціей».

Здѣсь мы уже встрѣчаемся съ детальными доводами, временнаго значенія, противъ заключенія Россіей международныхъ конвенціи. Но прежде, чѣмъ отвѣтить на нихъ, я желалъ бы установить тотъ фактъ, что, принципіально, никто, кажется, въ Россіи не противъ международнаго права на литературную и художественную собственность.

Нѣкоторые оппоненты, довольно рѣдкіе впрочемъ, стараются приравнять эту собственность къ привилегіямъ на изобрѣтеніе, доказывая, такимъ образомъ, не только срочный характеръ ея, никѣмъ не оспариваемый, но еще то, что какъ изобрѣтеніе можетъ подлежать усовершествованіямъ и измѣненіямъ, даже во время дѣйствія привеллегіи, такъ и всякое литературное, художественное, музыкальное и научное произведеніе можетъ быть переведено или извращено, подъ предлогомъ усовершенствованія его. Тутъ очевидная натяжка. Не говоря уже о томъ, что врядъ-ли возможно, во время законнаго дѣйствія привилегіи, безнаказано заимствовать у изобрѣтателя идею его открытія, измѣняя или даже усовершенствуя ее, какое усовершенствованіе приноситъ и можетъ принести переводъ, или произвольная передѣлка чужаго произведенія. Обыкновенно всякая художественная, научная или литературная работа есть законченое произведеніе и только самъ авторъ имѣетъ право судить требуетъ-ли оно его или чужого усовершенствованія или передѣлки. «Mon verre est petit, mais je bois dans mon verre», можетъ сказать всякій авторъ произведенія искусства. Я ниже покажу фактами къ чему можетъ повести отсутствіе гарантіи для автора неприкосновенности его труда. Всесторонне обсуждать же здѣсь и доказывать справедливость, съ нравственной точки зрѣнія, международнаго авторскаго права, — невозможно, да и излишне, такъ какъ я становлюсь, въ вопросѣ о литературныхъ конвенціяхъ, на чисто практическую почву выгодъ всего общества, пользы литературы и искуства, а также

интересовъ авторовъ и издателей, не менѣе заслуживающихъ вниманія, чѣмъ всѣ другіе производители труда. Скажу только, что принципъ международной литературной собственности, не исключая права на переводъ, признанъ въ настоящее время почти всѣми государствами образованнаго міра, въ томъ числѣ и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, на которыхъ такъ часто любятъ ссылаться, и еще на-дняхъ ссылались, какъ на достойный подражанія примѣръ въ дѣлѣ присвоенія чужой литературной собственности. Между тѣмъ, и этотъ послѣдній примѣръ не существуетъ больше. Въ мартѣ 1891 года принятъ былъ палатами и вступилъ въ дѣйствіе 1 іюля новый законъ о литературной, художественной и музыкальной собственности въ Соединенныхъ Штатахъ, носящій названіе, по имени его составителей закона Платтъ-Симонда (The Platt Simonds Copyright Act of March 1891). По этому закону, Соединенные Штаты признаютъ за иностранными авторами такія же права какъ за собственными гражданами, подъ тѣмъ условіемъ, что права американскихъ авторовъ будутъ ограждены въ свою очередь въ странѣ охраняемаго американскихъ законами иноземнаго писателя.

Однимъ словомъ, литературная собственность не охраняема только въ Китаѣ, Аргентинской республикѣ, Уругваѣ, Парагваѣ, Чили, Перу и въ Египтѣ. Международная же авторская собственность, какъ я уже сказалъ, ограждена почти во всѣхъ другихъ странахъ цивилизованнаго міра посредствомъ литературно-художественныхъ союзовъ или сепаратными соглашеніями.

«Въ настоящее время право литературной собственности, вообще говоря, признается всѣми писателями, какъ юристами, такъ и экономистами», говоритъ такой знатокъ въ области международнаго права, какъ знаменитый ученый, и притомъ русскій, профессоръ Мартенсъ. Другіе спеціалисты современной науки права, какъ Блюнчли, Воловскій, Морильо и проч., признаютъ литературно-художественную собственность *личнымъ* правомъ, основываясь на томъ,—по опредѣленію г. Мартенса,— что въ каждомъ сочиненіи не столько выражается имущественный интересъ, сколько духовная, личная индивидуальность автора. Въ этомъ смыслѣ, контрафакція оригинала или переводочная его передѣлка менѣе нарушаетъ интересы матеріальные, нежели достоинство и честь потерпѣвшаго автора. Самъ же г. Мартенсъ становится на точку зрѣнія имущественныхъ ин-

тересовъ, соединенныхъ съ изданіемъ книги. «Книга покупается—она результатъ труда, жертвъ матеріальныхъ и здоровьемъ, коими устанавливается право на вознагражденіе,—замѣчаетъ почтенный профессоръ.—Въ этомъ смыслѣ авторъ произведенія есть собственникъ книги, заинтересованный, чтобъ онъ одинъ пользовался правомъ на ея воспроизведеніе». И. Г. Табашниковъ, авторъ перваго по времени обстоятельнаго русскаго изслѣдованія объ авторскомъ правѣ, также безусловно присоединяется къ защитникамъ его.

Въ вопросѣ о юридическихъ свойствахъ этого права, онъ становится на одинаковую съ г. Мартенсомъ точку зрѣнія, а именно, что «сочиненіе есть вещь». «Эта вещь хотя не похожа на остальныя,—говоритъ онъ,—но тѣмъ не менѣе она имѣетъ реальное бытье, распознается внѣшними чувствами и способна къ воспроизведенію до безконечности и къ денежной оцѣнкѣ». (И. Г. Табашниковъ. *Литерат., Музык. и Художеств. Собственность.* т. I стр. 166 и 167). Матеріальное право автора на охрану его труда находитъ себѣ блестящаго защитника и въ лицѣ г. Спасовича:

«Нельзя пріискать средства обезпеченія писательскаго труда, говоритъ онъ,—лучше авторской монополіи на издательство сочиненій. Эта монополія до того справедлива, до того естественна, что она прежде явилась въ формѣ обычая и потомъ уже была освящена закономъ писаннымъ, такъ что контрафакція считалась уже въ сознаніи общественномъ дѣломъ постыднымъ и безнравственнымъ, прежде чѣмъ она запрещена была и сдѣлалась дѣйствіемъ незаконнымъ».

(Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ III. стр. 366).

Что же касается международнаго авторскаго права, включая сюда и право на переводъ, проф. Мартенсъ, въ упомянутомъ только-что сочиненіи, высказывается безусловно за него. (*Современ. Межд. Право цивилизов. народовъ*, т. II, стр. 144, 145).

Другой столь же компетентный въ этой области русскій ученый, К. П. Побѣдоносцевъ, категорично заявляетъ: «справедливо, что изъ понятія о правѣ авторскомъ трудно исключить понятіе о правѣ на переводъ». (*Курсъ Гражданскаго Права*, т. I, стр. 646).

Того же мнѣнія вышеупомянутый правовѣдъ А. Борзенко (см. его статью въ «Судебной Газетѣ» и отдѣльной брошюрой: «Право автора на переводъ»); а профессоръ казанскаго универ-

ситета, Г. Ф. Шершеневичъ, идетъ еще дальше: «Право перевода должно быть тѣсно связано съ авторскимъ правомъ,—говоритъ онъ,—и должно продолжаться въ теченіи всей жизни автора». Мы, конечно, далеки отъ этого послѣдняго требованія, даже находимъ, что оно сильно переступаетъ границы авторскаго права по отношенію къ общественной пользѣ; но я привелъ всѣ эти мнѣнія авторитетныхъ и исключительно русскихъ ученыхъ съ цѣлью показать отношеніе къ принципу авторской собственности, во всѣхъ ея видахъ, самой русской наукой права.

Встрѣчаются еще остроумные софисты, которые отрыцаютъ литературную собственность на томъ основаніи, что идеи суть общее достояніе, что авторы присваиваютъ себѣ мысли уже много разъ и давно высказанные такими геніями какъ Геродотъ, Гомеръ, Овидій, Цицеронъ, Тацитъ, Марціалъ, Титъ Ливій, Шекспиръ, Данте, Мольеръ, Гете и проч. и проч. Но, кромѣ немногихъ спеціалистовъ, да развѣ школьниковъ, обязанныхъ изучать по нѣскольку избранныхъ страницъ каждаго изъ этихъ геніевъ, кто, говоря по совѣсти, изъ такъ называемой интеллигенціи, ознакомился вполнѣ и по собственному побужденію хотя бы съ нѣкоторыми сочиненіями этихъ свѣточей человѣческаго ума? Между тѣмъ, многіе знаютъ Бальзака или Ламартина, Шиллера или Байрона, Фонъ-Визина или Грибоѣдова, многочисленнѣе уже тѣ, которые читали Виктора Гюго или Дюма-отца, Диккенса или Теккерея, Гейне или Клопштока, Пушкина, Лермонтова или Гоголя, еще больше тѣхъ, которые хорошо знакомы съ сочиненіями: Зола, Додэ или Гонкура, Уильки Колинсъ или Уида, Шпильгагена или Фрейтага, Л. Н. Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго. Однимъ словомъ, чѣмъ современнѣе, чѣмъ новѣе писатель, тѣмъ больше онъ находитъ и новыхъ читателей.

Почему-же? Да потому, что дѣло не въ идеяхъ—не такъ ужъ наше убогое человѣчество багато ими. Вся суть въ новомъ выраженіи ихъ и даже просто въ болѣе современномъ освѣщеніи и постановкѣ вѣчно старыхъ вопросовъ,—рѣдко въ разрѣшеніи ихъ,—при постоянныхъ измѣненіяхъ условій жизни. Чѣмъ новѣе описываемая среда, тѣмъ больше она насъ интересуетъ. Но для этого нужны не только идеи, но и наблюдательность, умѣнье представить намъ видѣнное въ яркихъ формахъ, въ художественныхъ образахъ, короче: нужно то, что справедливо

называютъ—творчествомъ, требующимъ усиленнаго труда и особыхъ матеріальныхъ затратъ.

Во время одной изъ моихъ бесѣдъ съ знаменитымъ драматургомъ Дюма-сыномъ, у насъ зашла рѣчь о неудачныхъ попыткахъ нѣкоторыхъ молодыхъ французскихъ писателей «возродить» драматическое искусство, возбудить къ нему болѣе осмысленный интересъ публики болѣе широкой идейностью.

— Все это, ни къ чему неведущія умствованія,—сказалъ мнѣ авторъ *la Dame aux comélias*. Нѣтъ пьесы съ старомодной или новомодной идеей. Что можно сказать новаго послѣ Шекспира и Мольера? Все наше искусство, насъ, скромныхъ преемниковъ гигантовъ драмы, сводится къ умѣнью забавить, развлечь (amuser) публику, заставить ее плакать или смѣяться. Никакая философія не поможетъ достиженію этой цѣли: есть только пьесы хорошо построенныя и дурно построенныя (il y a des pièces bien faites et mal faites); только первыя и будутъ всегда интересовать зрителей.

Вся литературная дѣятельность моего знаменитаго собесѣдника доказала, что и послѣ Шекспира и Мольера, онъ съумѣлъ возбудить интересъ, «amuser le public», какъ онъ говоритъ.

Какія все избитыя истины приходится повторять!

Чтобы больше не возвращаться къ этой сторонѣ вопроса, умѣстно будетъ отвѣтить здѣсь на доводъ, приводимый иногда противниками авторскаго права на переводъ, что русская публика уплачиваетъ иностраннымъ авторамъ достаточный гонораръ, въ видѣ покупки ихъ сочиненій въ оригиналѣ. Мы видѣли только-что какъ опредѣляютъ русскіе и иностранные ученые самую суть и характеръ всякаго литературнаго или художественнаго труда, но въ другомъ мѣстѣ проф. Мартенсъ еще болѣе наглядно отвѣчаетъ противникамъ авторскаго права: До восьмидесятыхъ годовъ, «въ особенности противилось заключенію новыхъ литературныхъ конвенцій наше театральное управленіе, находя стѣснительнымъ платить гонораръ иностраннымъ авторамъ и издателямъ за исполненіе на русской сценѣ произведеній драматическихъ или музыкальныхъ. Какъ доводъ противъ справедливости такого вознагражденія, ставилось на видъ, что театральная дирекція и безъ того слишкомъ щедро платитъ заѣзжимъ артистамъ, чтобъ еще вознаграждать авторовъ. Если согласиться съ этимъ разсужденіемъ, то на такомъ же основаніи надо было бы отказаться отъ платы за покупае-

мые данные иностранные товары, потому что другіе оплачиваются достаточно дорого».

Этимъ компетентнымъ словомъ мы и закончимъ обзоръ вопроса съ точки зрѣнія высшей, принципальной справедливости литературной и артистической собственности. Замѣтимъ только, что, съ 1883 года, дирекція Императорскихъ театровъ также измѣнила свой взглядъ на международныя права авторовъ, заключивъ съ французскимъ обществомъ драматическихъ писателей и композиторовъ конвенцію, въ силу которой члены этого общества получаютъ условленный гонораръ за поставленныя на Императорскихъ сценахъ произведенія ихъ въ оригиналѣ или переводѣ.

II.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію, болѣе интересующихъ насъ, практическихъ выгодъ заключенія интернаціональныхъ литературно-художественныхъ соглашеній. Мы увѣрены, что эти соглашенія служатъ не только нравственнымъ и матеріальнымъ интересамъ охраняемыхъ авторовъ и ихъ издателей, но еще и на пользу общественнаго просвѣщенія. Русскіе противники литературныхъ конвенцій вообще, и франко-русской въ частности, не признаютъ за ними этой послѣдней пользы. Ихъ доводы практической невыгодности конвенціи сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Излишность матеріальной протекціи мало-мальски извѣстныхъ русскихъ авторовъ уже достаточно вознаграждаемыхъ, а между тѣмъ, съ другой стороны, возможность вздорожанія переводовъ, монополизаціи ихъ изданія и злоупотребленій авторскихъ агентуръ, а какъ послѣдствіе всего этого—помѣха къ распространенію просвѣщенія въ русскомъ народѣ. 2) Неравномѣрность обмѣна между Россіей и Франціей въ отношеніи переводовъ и продажи оригиналовъ, т. е. что больше переводятъ, ставятъ и покупаютъ въ Россіи произведенія французскихъ авторовъ, чѣмъ во Франціи русскихъ. 3) При заключеніи Россіей отдѣльной конвенціи съ Франціей, преслѣдуемая цѣль не будетъ достигнута, такъ какъ другія страны, не вошедшія въ соглашеніе съ Россіей, какъ напримѣръ, Германія или Англія, будутъ переводить французскія произведенія на русскій и обратно, перепечатывать русскія и французскія партитуры, и все это

будутъ ввозить затѣмъ въ Россію и Францію. Наконецъ, въ 4-хъ)—недостаточность охраненія правъ прежде всего русскихъ авторовъ въ самой России, а слѣдовательно и необходимость, прежде чѣмъ заключать международныя конвенціи, позаботиться о выработкѣ болѣе совершенныхъ внутреннихъ законовъ.

Я, кажется, изложилъ и привелъ со всею возможною безпристрастностью главные аргументы противниковъ или литературныхъ конвенцій вообще, или отдѣльнаго соглашенія съ Франціей, или, по крайней мѣрѣ, неотложности заключенія конвенціи. Эта безпристрастность имѣетъ, впрочемъ, свою заднюю мысль. Я желаю воспользоваться самой аргументаціей противниковъ, чтобы доказать прямо обратное сдѣланнымъ ими выводамъ.

Дѣло въ томъ, что всѣ почти только-что приведенные доводы основаны на чисто академическомъ обсужденіи вопроса, лицами большей частью мало знакомыми съ практикою книжнаго или театральнаго дѣла. Освѣщенные съ фактической стороны, тѣ же доводы приводятъ къ совершенно обратнымъ заключеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, въ вышеизложенномъ порядкѣ, хотя бы вопросъ о покровительствѣ русскаго искусства и науки и ихъ представителей: литераторовъ, композиторовъ, художниковъ и ученыхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя отдѣлить развитіе и преуспѣяніе искусства и науки отъ матеріальнаго и нравственнаго огражденія интересовъ представителей той и другой. При заключеніи международныхъ договоровъ, интересующихъ всякую другую область производства, обращаются прежде всего за свѣдѣніями къ трудящимся на данномъ поприщѣ и обыкновенно слѣдуютъ ихъ указаніямъ. А мы видѣли уже, по свидѣтельству спеціалистовъ права, что литературная и художественная собственность,—хотя бы временнаго характера,—есть собственность какъ и всякое другое имущественное достояніе и также связанное съ развитіемъ общественнаго пріобрѣтенія. Разсмотримъ же положеніе, создаваемое въ настоящее время русскимъ дѣятелямъ умственнаго и художественнаго труда и непосредственнымъ представителямъ ихъ интересовъ, книгопродавцамъ, издателямъ, театральнымъ антрепренерамъ и проч., отсутствіемъ международнаго, и отчасти внутренняго, огражденія ихъ достоянія.

Утверждають, что мало-мальски извѣстный русскій литераторъ, композиторъ или художникъ не нуждаются въ особомъ покровительствѣ, такъ какъ они всегда находятъ сбытъ своимъ произведеніямъ и получаютъ за нихъ достаточно возвышенный гонораръ. Не таково мнѣніе самихъ авторовъ. Какъ бы ни были они заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, имъ позволительно, конечно, оспаривать утвержденіе не менѣе заинтересованныхъ противниковъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ рисуетъ нынѣшнее матеріальное положеніе русскихъ авторовъ одинъ не только достаточно извѣстный писатель, но еще произведенія котораго легко находятъ доступъ во всѣ повременныя изданія. Я говорю о г. Ясинскомъ, который, по поводу перепечатки русскихъ произведеній въ Германіи, касается, въ своей статьѣ «Извѣстность россійской словестности» (въ *«Новомъ Времени»* отъ 21 іюля 1893 г.), также вопроса о литературномъ гонорарѣ въ Россіи.

«До сихъ поръ есть еще наивные люди,—пишетъ онъ,—которые думаютъ, что брать гонораръ за литературныя произведенія предосудительно. Съ этой наивностью побѣдоносно боролся Пушкинъ, а Тургеневъ и Толстой доказали, что «помѣщичья» литература, какъ выражался Достоевскій, не только славная, но и доходная профессія, даже въ малокультурномъ нашемъ отечествѣ. Во всякомъ случаѣ, вопросъо литературномъ вознагражденіи имѣетъ для самой литературы большую важность—въ особенности съ того времени, какъ не стало помѣщиковъ и писатели стали выходить изъ среды, гдѣ наслѣдственные капиталы рѣдкость и гдѣ мысль о полученіи литературной субсидіи изъ спеціальныхъ суммъ отечества считается пока кощунственной.

«Естествеено намъ искать поддержки только въ самихъ себѣ, и не заботиться о своихъ гонорарахъ въ нашемъ положеніи было бы фанфаронствомъ по отношенію къ намъ самимъ и преступленіемъ—по отношенію къ литературѣ.

«И безъ того гонорары наши невелики, они въ зачаточной формѣ, и черезъ какихъ нибудь пятьдесятъ, сто лѣтъ будутъ удивлять нашихъ потомковъ своими микроскопическими размѣрами.

«А если принять въ соображеніе, что государство не заботится—по самому независимому положенію литературы—ни о дѣтяхъ писателей, ни о нихъ самихъ, когда они становятся стариками, если подумать о томъ, что расходы- литератора не-

равномѣрны, благодаря его повышенной нервной дѣятельности, и, благодаря потребности разнообразныхъ впечатлѣній, питающихъ его дарованіе, если имѣть въ виду, что литераторъ большею частью склоненъ въ расточительной благотворительности, то окажется, что, на самомъ дѣлѣ, гонораръ Гончарова, украсившаго своимъ именемъ исторію нашего національнаго сознанія, не значительнѣе жалованья крутогорскихъ губернаторовъ, память о которыхъ меркнетъ вмѣстѣ съ первымъ же поколѣніемъ мѣстныхъ становыхъ, уходящихъ въ вѣчность.

«Кромѣ полистной платы въ журналахъ, нѣкоторымъ подспорьемъ для писателя является продажа его сочиненій отдѣльными изданіями. Иногда это составляетъ шестую, иногда пятую, а иногда и болѣе всего писательскаго бюджета. Правда, книга у насъ идетъ плохо. Обитатели медвѣжьихъ угловъ довольствуются иллюстрированными журналами и связь нашей публики съ писателемъ такъ ничтожна и покоится на такихъ низкихъ разсчетахъ, что обыкновенно читатель предпочитаетъ ждать смерти автора, съ тѣмъ, чтобъ уже разомъ выписать собраніе его сочиненій и поставить на полку, въ надеждѣ, что въ слѣдующемъ изданіи не будетъ никакихъ измѣненій и дополненій, подрывающихъ цѣнность перваго. Оттого у насъ сплошъ и рядомъ писатель еле перебивается съ «хлѣба на квасъ» и въ лучшихъ случаяхъ зарабатываdтъ не болѣе шести-семи тысячъ въ годъ».

Таково мнѣніе прямо заинтересованнаго въ вопросѣ русскаго писателя о настоящемъ матеріальномъ положеніи его собратьевъ даже наиболѣе извѣстныхъ. Его голосъ долженъ считаться компетентнѣе многихъ теоретическихъ разсужденій внѣ мѣста и времени. Но уже несомнѣннымъ вѣсомъ должно пользоваться, въ занимающемъ насъ вопросѣ, слово другого литератора, принадлежащаго къ той блестящей плеядѣ писателей сороковыхъ годовъ, къ тѣмъ счастливымъ избранникамъ, матеріальныя условія которыхъ позволяли имъ выступить на литературное поприще безъ излишнихъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. Кромѣ того, онъ дожилъ до тѣхъ лѣтъ, онъ достигъ того апогея славы, когда не нуждаются больше ни въ какомъ покровительствѣ. Я назвалъ Д. В. Григоровича, 50-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности котораго праздновался еще недавно съ особой торжественностью. Кто можетъ сомнѣваться въ его знаніи условій жизни литераторевъ, а так-

же въ его безпристрастіи? И вотъ что онъ пишетъ въ его «Литературныхъ воспоминаніяхъ», напечатанныхъ ровно годъ тому назадъ въ «Русской Мысли» *):

«Литераторы сороковыхъ годовъ имѣли полную возможность писать неторопливо, холить свою работу; большая часть изъ нихъ состояла изъ людей болѣе или менѣе обезпеченныхъ. Вознагражденіе за литературный трудъ не было для нихъ вопросомъ жизни; оно прибавляло только къ существующимъ денеждымъ средствамъ». «Теперь,—говоритъ онъ дальше,—мало-помалу образовался обширный классъ литературныхъ дѣятелей, для которыхъ литература служитъ уже единственнымъ средствомъ существованія; волей-неволей надо было покориться новымъ требованіямъ, пріучиться къ быстрой работѣ. Противъ такихъ тружениковъ грѣшно быть взыскательнымъ; не думаю, чтобы нашелся между ними хоть одинъ, которому вынужденная лихорадочная работа была по сердцу; она необходима для удовлетворенія иногда суровымъ требованіямъ семейной жизни».

Да на что ужъ большій талантъ, скажемъ и мы, какъ тотъ, которымъ обладалъ авторъ «Преступленія и Наказанія», а не даромъ говорилъ онъ съ наболѣвшей горечью о «помѣщичьей» литературѣ, какъ напоминаетъ объ этомъ г. Ясинскій. Всѣмъ теперь извѣстно то безвыходное матеріальное положеніе, которое давило его всю жизнь; и развѣ это не отражалось на его произведеніяхъ? Гонимый нуждой, онъ большей частью забиралъ впередъ гонораръ, необходимый ему и его семьѣ для каждодневнаго существованія, чтобы потомъ, съ лихорадочной поспѣшностью, диктуя стенографу, доставлять къ обязательному сроку свое, словно изъ подъ палки, вымученное произведеніе. Гдѣ тутъ было холить и отдѣлывать свою работу, какъ могли спокойно это дѣлать современные Достоевскому великіе художники слова: Л. Н. Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ и самъ цитированный Григоровичъ? Намъ, французскимъ переводчикамъ сочиненій Достоевскаго, труднымъ опытомъ, хорошо извѣстны его нескончаемыя повторенія цѣлыхъ фразъ и даже мыслей, его нервный, безпорядочный слогъ, который приходилось отливать въ сжатый, ясный, гибкій какъ сталь и звонкій какъ серебро, языкъ Буало. Совсѣмъ другое происходитъ, когда переводишь сочиненія, напримѣръ, Тургенева. Прозрачная, блестящая струя

---

*) *Русская Мысль*, Январь, 1893 г.

живого слова катится ровно, спокойно; остается только довѣриться ея теченію, стоитъ только почти рабски слѣдовать указаніямъ оригинальнаго текста, чтобы въ переводѣ, точно по-неволѣ, отразилась вся виртуозность изящнаго слога. И нельзя сказать, чтобы этотъ чудный языкъ былъ исключительнымъ достояніемъ названныхъ собратьевъ Достоевскаго. Припомните только его первое произведеніе: «Бѣдные люди», въ которое онъ могъ не только вложить всю свѣжесть своего молодого таланта, но еще долженъ былъ, никому неизвѣстный, представить его въ совершенно законченной формѣ *). Или, уже на склонѣ лѣтъ, когда явилась для него нѣкоторая возможность передышки, въ его «Дневникѣ писателя», мы находимъ такія жемчужины художественнаго стиля, какъ, напримѣръ, разсказы: «Кроткая» и «Мальчикъ у Христа на елкѣ», которые ничего не потеряли бы отъ сравненія съ самими классическими образцами русской словесности. И на ряду съ этимъ, въ огромномъ большинствѣ его другихъ произведеній, замѣчается не только эта невольная невыработность слога, но еще недостатокъ необходимой обдуманности, строгаго уравновѣшенія общаго плана произведенія, совершенно невозможныхъ при всякой скороспѣлой работѣ. Иногда встрѣчаются просто недосмотры. Напримѣръ, въ разсказѣ «Неточка Незванова», говоря объ одной изъ героинь, авторъ сообщаетъ намъ, что онъ была бездѣтна; и всего нѣсколько страницъ дальше, она называетъ имена ея дѣтей. Очевидно, что у него не хватало времени даже для бѣглаго просмотра своего сочиненія до отдачи его въ печать.

Все это вѣрно, могутъ сказать мнѣ, но покойный писатель находился, несомнѣнно, въ исключительныхъ условіяхъ и его примѣръ не имѣетъ ничего общаго съ нынѣшнимъ положеніемъ даже гораздо менѣе его талантливыхъ писателей. Посмотрите какой популярностью пользуются теперь его произведенія и какія матеріальныя средства приносятъ они его наслѣдникамъ. Да, теперь, когда его наболѣвшее сердце перестало биться, когда его истлѣвшіе мозги не вдохновятся больше ни одной новой страницей, когда его заслуги родному искусству призна-

*) Къ тому же, Д. В. Григоровичъ, занимавшій тогда сообща съ Достоевскимъ одну квартиру, говорилъ мнѣ, что, при началѣ литературной карьеры, его сожитель былъ, благодаря содѣйствію богатыхъ родственниковъ, матеріально достаточно обезпечено.

ны и записаны на скрижалахъ золотой, но синодикальной книги. Должное воздано ему уже на могилѣ. Смерть дала его наслѣдникамъ то, чего онъ тщетно добивался всю свою жизнь, потому-что безвозвратность потери родитъ сожалѣніе о невозможности появленія новыхъ созданій и заставляетъ дорожить оставшимся духовнымъ наслѣдіемъ. Къ тому же, я собственно хотѣлъ показать этимъ примѣромъ, что матеріальный недостатокъ отзывается губительно даже на несомнѣнно крупномъ талантѣ и что это не только личная потеря, но еще убыль для всего общечеловѣческаго умственнаго и художественнаго достоянія. Скажутъ, что такова судьба не однихъ писателей и не однихъ русскихъ. Вообще—конечно. А все же родись и живи такой Достоевскій во Франціи или въ Германіи, въ Англіи, въ Италіи, или даже въ Испаніи, ему не пришлось бы биться, какъ рыба объ ледъ, не столько потому, что на Западѣ народъ культурнѣе, сколько по причинѣ невыгодныхъ, для начинающаго развиваться русскаго искусства, правовыхъ условій и, какъ послѣдствіе ихъ, массовой конкурренціи макулатурной переводной литературы.

Невыгодность этого положенія станетъ еще болѣе очевидной, когда, перейдя отъ много или мало извѣстныхъ писателей, мы разсмотримъ нынѣшнія условія проявленія молодыхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ талантовъ. Я снова ссылаюсь на русское свидѣтельство:

«Молодой, неизвѣстный авторъ приноситъ редактору журнала свое произведеніе, прося просмотрѣть его, дать оцѣнку, «помѣстить», если можно,—говоритъ г. Пиленко въ своемъ фельетонѣ «*Новаго Времени*» (отъ 28 декабря 1893 г.) «Что же редакторъ? Ходъ его мысли очень простъ: писатель никому неизвѣстенъ—первое неудобство; успѣхъ его произведеніе заработаетъ только со временемъ — второе неудобство; писателю нужно заплатить гонораръ—третье неудобство. Не лучше ли взять романъ иностранной знаменитости: романъ этотъ написанъ «знаменитостью»—первое удобство, успѣхъ его заранѣе обезпеченъ заграничными рекламами—второе удобство; помѣщеніе романа обойдется по 5 руб. съ листа (переводчику) — третье удобство.

«И вотъ рукопись возвращается (можетъ быть, нечитанная) неудачнику-автору, съ роковой помѣткой «слабо». Рѣдкій изъ нашихъ признанныхъ писателей не разскажетъ чего-нибудь подобнаго о своихъ первыхъ шагахъ на поприщѣ литературы».

III.

Г. Пиленко приводитъ дальше собранныя имъ цифровыя данныя о количествѣ переводовъ, появляющихся въ русскихъ журналахъ. Беря цифры на видержку, онъ даетъ среднее процентное отношеніе числа страницъ, заполненыхъ переводами, къ общему числу страницъ нѣкоторыхъ изданій.

«Цифры эти выведены мною,—пишетъ онъ,—для большинства нашихъ журналовъ и представляются слѣдующими въ среднемъ выводѣ, напримѣръ, за январь, февраль, іюнь и іюль мѣсяцы 1892 года. Помѣщено за эти мѣсяцы переводовъ въ процентахъ (не считая въ толстыхъ журналахъ отдѣловъ хроники) въ журналахъ: «Вѣстникъ Европы» — 20%; «Воскресенье» — 35%; «Вѣстникъ иностранной литературы» — 100%; «Гражданинъ» (приложенія) — 100%; «Живописное Обозрѣніе» (приложенія) — 45%; «Звѣзда» — 50%; «Колосья» — 43%; «Лучъ» (приложенія) — 83%; «Міръ Божій»—41%; «Наблюдатель»—42%; «Нива» (приложенія)—8%; «Недѣля» (приложенія)—36%; «Русское Обозрѣніе»—16%; «Русскій Вѣстникъ»—15%; «Русская Мысль»—25% «Сѣверный Вѣстникъ» — 23%; «Трудъ» — 50%. Въ общемъ итогѣ эти журналы за указанные четыре мѣсяца помѣстили (на общее количество около 17,200 страницъ) больше 7,100 страницъ переводовъ, т. е. больше 41%! Какое бы мы не взяли заграничное изданіе, мы едва-едва насчитаемъ въ нихъ 4—6% переводныхъ статей.

«Таковы результаты отстутствія литературныхъ конвенцій: нашей публикѣ даютъ чуть не въ десять разъ больше переводовъ, чѣмъ сколько осмѣливаются предложить своей публикѣ редакторы журналовъ иностранныхъ. Я знаю, что скажутъ на это защитники теперешняго положенія дѣлъ: они опять начнутъ іереміаду о молодости нашей литературы, о скудномъ количествѣ нашихъ писателей, о *необходимости* брать переводы. Какое непріятное впечатлѣніе производятъ такіе «доводы»! Конечно, намъ вредно всякое ложное самовосхваленіе, всякое ошибочное увлеченіе своими мнимыми достоинствами. Но зачѣмъ же, ради Бога, публично унижать себя, открыто заявлять о своемъ умственномъ безсиліи, признавать, что русская литература не можетъ существовать иначе, какъ побираясь за-границей? Если

было время, когда мы были бѣдны писателями и учеными — слава Богу, это время прошло безъ возврата, и Россія можетъ теперь похвастать такими мыслителями и учеными, вліяніе которыхъ на всемірную мысль—безпорно.

«Да, наконецъ, еслибы мы даже и были такъ бѣдны—нужно признать, что не свобода международной контрафакціи спасетъ насъ и дастъ намъ залогъ будущаго интелектуальнаго благосостоянія, ибо эта свобода убиваетъ авторовъ, убиваетъ нашу книжную торговлю.

«А что даетъ эта свобода читающей публикѣ? Она даетъ ей цѣлый потокъ дешевыхъ контрафакцій; даетъ журналы, на $^2/_5$ наполненные никому не нужными переводами; даетъ ей сотни тысячъ безплатныхъ «приложеній» къ газетамъ и журналамъ, причемъ эти приложенія *въ среднемъ* заключаютъ 75% переводовъ. Кстати объ этихъ «безплатныхъ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ», истинномъ дѣтищѣ свободы международной контрафакціи; многія изъ нихъ—конечно, это мое личное мнѣніе — противно взять въ руки: скверная бумага, безобразный шрифтъ и переводные романы, одинъ сомнительнѣе другого! А между тѣмъ, гдѣ нибудь въ захолустьѣ эти приложенія считаются книгами, и какой-нибудь бережливый отецъ семейства, увидавъ, что у него цѣлая комната завалена этими даровыми «Таинственными печатями» и «Омнибусами № 117-й», подумаетъ, подумаетъ, да и не выпишетъ Тургенева: «и такъ книгъ много, не все ли равно, что читать!..»

Такъ разсуждаетъ молодой публицистъ, близко познакомившійся съ положеніемъ вещей: и дѣло истиннаго просвѣщенія читающей публики, и русская литература отъ него одинаково страдаютъ. Подтвердимъ этотъ выводъ еще слѣдующимъ авторитетнымъ словомъ:

«Въ Россіи сильно возставали противъ заключенія литературныхъ конвенцій,—говоритъ г. Мартенсъ,—также съ точки зрѣнія необходимости для нея переводной литературы. Опасались, что съ ограниченіемъ права переводныхъ иностранныхъ сочиненій умственная жизнь русскаго народа окончательно замретъ. Но упускаютъ изъ вида, что именно возможность безпрепятственнаго перевода губитъ самостоятельность литературы отечественной.

«Доказанный фактъ, что въ С.-А. С. Штатахъ, гдѣ также отвергаютъ пользу литературныхъ конвенцій, оригинальная ли-

тература перестала развиваться, благодаря свободной перепечаткѣ англійскихъ произведеній. Наконецъ, надо имѣть въ виду что естественная, при неограниченномъ правѣ переводить иностранныя сочиненія, гоньба за первымъ ранѣе другихъ сдѣланнымъ переводомъ неминуемо приводитъ къ небрежному его исполненію, такъ что вмѣсто того, чтобы знакомить съ оригиналомъ, переводъ нерѣдко убиваетъ репутацію автора. Про многіе русскіе переводы можно справедливо сказать, что они оказались «могилами» для оригиналовъ. (Ф. Мартенсъ. «Совр. Междун. Право Цивилизов. народовъ», т. II, стр. 161).

Приводя примѣръ С.-А. С. Штатовъ, уважаемый авторъ «Современнаго Междун. Права Цивилизов. Народовъ» не могъ еще знать о томъ, чисто по американски, практическомъ рѣшеніи вопроса о подъемѣ уровня отечественныхъ литературы и искусства, которое заключается въ законѣ 3 марта 1891 года. Я ниже укажу въ чемъ именно практичность американскаго закона и какія соображенія привели къ обнародованію его. Теперь-же выслушаемъ также мнѣніе одного изъ тѣхъ читателей,—но не обывателей,—о которыхъ такъ пекутся мало вникшія въ суть дѣла радѣтели народнаго образованія. Вотъ что пишетъ въ «Новое Время» одинъ провинціальный читатель:

«За послѣднее время переводы намъ такъ пріѣлись, что смотрѣть на нихъ безъ тошноты невозможно, не только-что читать ихъ—тѣмъ болѣе, что наши издатели не слишкомъ разборчивы на переводы и переводятъ все, и хорошее, и плохое лишь бы странички журнальчика и десятки тысячъ премій были заполнены. Не бѣда если съ заключеніемъ конвенціи придется русскому человѣку заплатить лишній гривенникъ за хорошій переводъ хорошаго произведенія, за то онъ за всякую переводную дрянь не будетъ платить ни одной копѣйки.

«Надо въ концѣ-концовъ одуматься и дать доступъ русскому генію и русскому труду, которымъ теперь съ иностранной дешевкой тягаться очень трудно, даже невозможно.

«Пусть мы культурно и литературно слабы, но во всякомъ случаѣ, благодаря конвенціямъ, мы хорошихъ иностранныхъ произведеній не лишимся и болѣе будемъ читать русскихъ писателей, болѣе познакомимся съ своей родиной. Наша прямая будетъ выгода, если будутъ читать Тургенева, какъ теперь читаютъ Эмиля Зола, а Зола—какъ читаютъ Тургенева. Отъ этой перемѣны, надѣюсь, русское общество нисколько не пострада-

етъ. Не даромъ наибольшее количество подписчиковъ имѣютъ тѣ изъ нашихъ дешевыхъ изданій, которыя или очень мало печатаютъ переводовъ, или вовсе ихъ не печатаютъ. Не есть ли это нѣмой протестъ публики противъ переводовъ? Не кстати ли здѣсь вспомнить, что журналы «Отдѣльныхъ переводныхъ романовъ» угасли или должны отстаивать свое существованіе невѣроятной дешевизной подписки, очевидно, не разсчитывая иначе привлечь къ себѣ публику.» (9 января 1894 г.)

Не выражають-ли эти слова истинное отношеніе къ вопросу читающаго общества? Могутъ, конечно, заподозрить подлинность происхожденія этихъ строкъ и предположить, что письмо читателя принадлежитъ перу самой редакціи, напечатавшей его, но измѣнится ли отъ этого логичность доводовъ и реальность фактовъ, которую можно, кстати, провѣрить приведенными раньше цифровыми данными г. Пиленко, а именно, что «наибольшее количество подписчиковъ имѣютъ тѣ изъ русскихъ дешевыхъ изданій, которыя или очень мало печатаютъ переводовъ или вовсе ихъ не печатаютъ».

А вотъ уже совершенно вразумительная статистика объ отношеніи русскихъ читателей къ переводной беллетристикѣ,—статистика, основанная на докладѣ Н. А. Рубакина, характерно озаглавленномъ: «О книжномъ оскудѣніи», и приведенная г. Пиленко въ своемъ послѣднемъ фельетонѣ «Новаго Времени» (отъ 11 января 1894 г.). Профессоръ Янжулъ, въ своей недавней статьѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», къ которой мы будемъ имѣть случай возвратиться, возстаетъ противъ ограниченія свободы переводовъ, какъ необходимой для народнаго просвѣщенія. Формула его: «salus populi—suprema lex»,—общественная польза выше всего. Отвѣчая ему, г. Пиленко справедливо замѣчаетъ: «По моему мнѣнію, это salus будетъ заключаться не въ возможно большемъ распространеніи французскихъ романовъ, а въ упроченіи положенія нашихъ писателей: чѣмъ лучше будетъ оплачиваться ихъ трудъ, тѣмъ больше времени будутъ они ему посвящать, тѣмъ меньше будутъ они разбрасываться на другія занятія (служба, хроникерство, репортерство и т. д.), чѣмъ спокойнѣе и равнѣе будутъ они работать, тѣмъ скорѣе будетъ развиваться наша наука и литература. Въ концѣ же концовъ, я думаю, Россія выиграетъ прежде всего отъ того, что будетъ поощрять своихъ авторовъ и помогать имъ, обставляя ихъ дѣятельность возможно лучшими условіями».

Но проф. Янжулъ, доказывая свои соображенія, самъ неосторожно ссылается на докладъ г. Рубакина: «Насколько существенны для нашихъ читателей иностранные переводы, пишетъ онъ, — многочисленныя данныя для того представляетъ интереснѣйшій докладъ Н. А. Рубакина: «О книжномъ оскудѣніи»,—по этимъ даннымъ, имъ собраннымъ, напримѣръ, Густавъ Эмаръ читался въ нижегородской библіотекѣ въ 1½ раза больше Шедрина, Монтепенъ—больше Островскаго, Гоголя, Некрасова, Пушкина, Гончарова и друг. классиковъ, въ 3 раза больше Лермонтова и въ 5 разъ больше Жуковскаго!»

И такъ, этимъ примѣромъ, почтенный профессоръ желалъ повидимому, доказать, что поощреніе свободнаго чтенія Густава Эмара или, еще лучше, Монтепена, важнѣе для народнаго просвѣщенія, чѣмъ знакомство съ русскими классиками. Я говорю повидимому, потому что это абсурдъ, къ которому не могъ прійти знаменитый ученый въ области чистой статистики. Но зачѣмъ же онъ такъ неосмотрительно ссылается на этотъ примѣръ необходимости для русскихъ читателей этихъ именно иностранныхъ переводовъ? Къ тому же, оказывается, что вышеприведенный протестъ читателя «Новаго Времени» въ самомъ дѣлѣ выражаетъ истинное отношеніе читающей публики къ переводной беллетристикѣ. При болѣе внимательномъ знакомствѣ съ обстоятельнымъ докладомъ г. Рубакина, мы находимъ цифровыя данныя прямо обратные заключенію проф. Янжула. «Среди русскихъ читателей,—пишетъ авторъ доклада,—въ большомъ ходу *оригинальный* отдѣлъ беллетристики, а не *переводный* (какъ думаютъ многіе). Что оригинальная беллетристика читается больше, чѣмъ переводная, видно изъ слѣдующей таблички (года 1891—92):

	Астрахань.	Воронежъ.	Саратовъ.	Херсонъ.	Одесса.	Екатеринославъ.
Оригин. . .	5,931	11,759	28,294	10,894	8,280	7,760
Переводн. .	2,450	4,860	17,584	4,612	4,151	7,476

Приводя эту табличку, г. Пиленко сожалѣетъ, что профессоръ Янжулъ не обратилъ на нее вниманія. «Можетъ быть, онъ бы тогда нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на важность переводныхъ книгъ для русской публики»,—основательно замѣчаетъ молодой публицистъ. «Оказывается, напримѣръ,—прибавляетъ послѣдній,—что составивъ таблички *десяти* авторовъ, *на-*

иболѣе требуемыхъ въ каждомъ изъ девяти главныхъ городовъ Россіи, г. Рубакинъ включилъ въ эти таблички на общую сумму 90 авторовъ — всего только 11 иностранныхъ писателей! Во всѣхъ 9 этихъ городахъ первое и второе мѣсто по количеству требованій занимаютъ *русскіе* авторы. Третье мѣсто иностранные писатели занимаютъ только въ трехъ случаяхъ: Зола въ Харьковѣ (133 требованія) и Майнъ-Ридъ въ Екатеринославѣ (338 треб.). Четвертое мѣсто—только Шпильгагенъ въ Екатеринославѣ (304 треб.). Пятое и шестое мѣсто, во всѣхъ городахъ, занимаютъ русскіе писатели и только на дальнѣйшихъ мѣстахъ болѣе часты иностранныя фамиліи. Въ херсонской, самарской и саратовской библіотекахъ первыя десять мѣстъ заняты исключительно русскими именами. Всего же въ библіотекахъ Нижняго-Новгорода, Харькова, Херсона, Самары, Саратова, Екатеринослава и Воронежа и въ читальнѣ Херсона, если въ каждой изъ нихъ мы возьмемъ по десяти наиболѣе популярныхъ писателей, оригинальныя произведенія даютъ болѣе 30,000 требованій, а переводныя—2,538, т. е. на послѣднія приходится немного больше 7%! Очевидно, что *эти* цифры выставляютъ уже въ совершенно въ иномъ свѣтѣ пресловутую важность для русской публики переводовъ съ иностраннаго. Когда публикѣ даютъ свободный выборъ—она только въ семи случаяхъ изъ ста беретъ иностраннаго беллетриста, только въ семи случаяхъ изъ ста онъ ей нуженъ. Я чрезвычайно жалѣю, что до сихъ поръ не могъ собрать свѣдѣній о количествѣ публикуемыхъ въ Россіи переводныхъ сочиненій. Эти послѣднія, дѣйствительно, когда-то составляли подавляющее большинство среди новыхъ русскихъ изданій—и съ тѣхъ поръ еще многіе изъ насъ, по наслышкѣ, повторяютъ, что русская литература и наука «больше, чѣмъ на половину» живетъ переводами, что русскіе поставлены относительно переводовъ въ особенное положеніе, по сравненію съ другими народами, что мы безъ переводовъ обойтись не можемъ. Между тѣмъ, какъ оказывается, публика девяти нашихъ первыхъ городовъ нуждается въ иностранныхъ переводахъ въ 7 случаяхъ изъ ста! Еще поразительнѣе то процентное отношеніе, которое я могу вывести изъ данныхъ относительно количества переводныхъ сочиненій, изданныхъ въ Россіи въ 1891 г. (ст. Л. Н. Павленкова въ «Истор. Вѣстникѣ», стр. 7). Оказывается, что въ этомъ году было выпущено 6,538 названій (на русскомъ языкѣ), изъ коихъ пере-

водныхъ было только 265, т.-е. немного больше 3%! Таковы цыфры, указывающія, насколько часто русская публика, въ случаѣ *свободнаго выбора*, беретъ иностранные переводы. Три и семь. Нужно признаться, это ужъ не слишкомъ большія цифры. *Эти* цифры не особенно подтверждаютъ сѣтованія тѣхъ радѣтелей, которые поютъ намъ: «у нашей литературы и науки ножки слабенькія; возьмите у нея костыли заимствованій и переводовъ, ножки у нашей литературы подогнутся и дальше она не пойдетъ».

«Мнѣ могутъ возразить, что я самъ себѣ противорѣчу, что я самъ въ первомъ фельетонѣ вывелъ число 40, какъ процентное отношеніе количества переводовъ, появляющихся въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Нѣсколькими строками выше я подчеркнулъ слова «*въ случаѣ свободнаго выбора* публика беретъ переводы въ количествѣ и т. д.». Подчеркнулъ я ихъ для того, чтобы именно отмѣтить вопросъ о періодическихъ журналахъ, въ которыхъ, по моему мнѣнію, свободнаго выбора нѣтъ. Если я желаю читать только оригинальныя произведенія, я только таковыя и буду покупать, когда рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ изданіяхъ; но въ редакціи періодическаго изданія я оказываюсь связаннымъ. Я желалъ бы получать только новости русской литературы, а меня заставляютъ подписываться еще и на «новѣйшіе романы иностранной литературы», извѣстная порція которыхъ обязательно включена въ каждую книжку журнала для привлеченія тѣхъ читателей, которые судятъ о книгѣ по толщинѣ. Въ журналахъ, повторяю, выбора нѣтъ— публика *должна* брать все то количество переводовъ, которые найдетъ для себя выгоднымъ дать редакторъ».

И въ самомъ дѣлѣ, г. Пиленко приводитъ затѣмъ интересную статистику размѣщенія во всѣхъ журналахъ переводной литературы по мѣсяцамъ, краснорѣчиво указывающую на ту борьбу, которую приходится выдерживать издателямъ журналовъ противъ истинныхъ желаній подписчиковъ. Въ общемъ выводѣ результатъ этой статистики слѣдующій: «въ январѣ намъ даютъ 66 проц. оригинальныхъ произведеній, послѣ чего количество таковыхъ постепенно понижается до іюля,—въ августѣ начинается повышеніе, идущее правильнымъ подъемомъ до момента подписки, т. е. до декабря. Правильность этого опусканія нарушается только два раза небольшими подъемами: въ

апрѣлѣ—въ видѣ подарка на Пасху, да въ іюнѣ... передъ полугодовой подпиской».

Дальше г. Пиленко прибавляетъ:

«Изъ всѣхъ тѣхъ цифръ, которыя мною до сихъ поръ приведены, я могу вывести только одно заключеніе: въ 1891 году у насъ напечатано только 3 проц. самостоятельныхъ изданій иностранныхъ авторовъ; если предположить, что это число—случайное и что въ другіе годы мы потребляемъ даже въ 5 разъ больше переводовъ, все-таки, окажется, что Россія уже вышла изъ того младенческаго состоянія, когда она жила, главнымъ образомъ, заимствованіями. Окажется, кромѣ того, что заключеніе конвенціи увеличитъ цѣну только одной седьмой всѣхъ издаваемыхъ произведеній, что пострадаютъ, главнымъ образомъ, только журналы, которые теперь тысячами страницъ печатаютъ переводы французскихъ бульварныхъ романовъ, разсчитывая на низменные инстинкты толпы. Я осмѣлюсь даже утверждать, что заключеніе конвенціи и признаніе права исключительнаго перевода вовсе не такъ ужасно повыситъ цѣны на книги: для самостоятельныхъ изданій заключеніе конвенціи не будетъ имѣть особеннаго значенія, въ виду того, что между ними переводныя—рѣдки, а періодическія изданія за прежнюю цѣну будутъ только давать книжки потоньше. И я не думаю, чтобы даже защитники чтенія «чего попало» очень бы пожалѣли о томъ, что въ подобномъ случаѣ вмѣсто двухъ «таинственныхъ романовъ» данный журналъ напечатаетъ только одинъ («Морфиноманка, таинственный романъ»—помѣщенъ въ безплатномъ приложеніи къ одной газетѣ). Авторскіе же гонорары должны будутъ неминуемо подняться».

IV.

Цитируя часто и пространно изъ статей г. Пиленко, столь серьезно, безпристрастно и съ чисто-фактической стороны разсмотрѣвшій занимающій насъ вопросъ, я не могу только согласиться съ послѣднимъ его заключеніемъ, а именно, что вознагражденіе автору за право перевода можетъ поднять, хотя бы въ малой степени, стоимость переводнаго изданія. Возможно скорѣе обратное. Въ самомъ дѣлѣ, какъ во всякой торговлѣ, цѣнность книги опредѣляется неизмѣннымъ закономъ спроса и

предложенія. Спросъ тѣмъ больше, чѣмъ дешевле стоимость предмета. Слѣдовательно, въ интересахъ всякаго издателя по возможности понизить стоимость его изданія. Но при нынѣшней свободѣ перевода онъ не можетъ разсчитывать на большой сбытъ, такъ-какъ одновременно съ его переводнымъ изданіемъ можетъ выйти, и на самомъ дѣлѣ выходятъ, одно, два, нѣсколько другихъ, изданій того же сочиненія; не мнѣ вамъ объ этомъ говорить, господа издатели.

И такъ, спросъ раздробляется и, при назначеніи цѣны книги, нужно считаться съ всегда возможной конкурренціей и необходимо наверстать на повышеніе стоимости то, что теряется на уменьшеніи сбыта. Никто отъ этого не выигрываетъ: ни каждый изъ издателей разныхъ переводовъ того же сочиненія, ни покупатели. Разсчитывать же на пониженіе цѣны вслѣдствіе свободной конкурренціи также невозможно, такъ какъ расходы по печатанію въ главныхъ печатныхъ центрахъ одинаковы и доведены до минимума, также какъ и трудъ зауряднаго переводчика, а главный производитель труда, т. е. авторъ, находится, при нынѣшнемъ положеніи, и въ противуположность другимъ производствамъ, какъ бы внѣ конкурренціи, т. е. не способенъ влiять на стоимость книги ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Практика на самомъ дѣлѣ и показываетъ, что, за малыми исключеніями, относящимися къ такъ называемымъ «дешевымъ библіотекамъ»,—въ серію которыхъ чаще всего входятъ оригинальныя произведенія,—цѣна всѣхъ отдѣльныхъ изданій переводовъ одинаковаго содержанія и объема приблизительно та же. При возможности же уплатить автору за исключительное право перевода его сочиненія, хотя бы на самый короткій срокъ, издатель не только можетъ разсчитывать на всѣхъ прежнихъ покупателей даннаго произведенія, но еще на тѣхъ, которые будутъ привлечены тѣмъ вполнѣ здравымъ разсужденіемъ, что уплачиваютъ за право перевода только за произведеніе несомненнаго достоинства и что, разъ эта первая затрата сдѣлана, въ интересахъ издателя будетъ не испортить на будущее время ни своей, ни авторской репутаціи скороспѣлымъ макулатырнымъ переводомъ. Самъ переводчикъ не будетъ имѣть нужды торопиться предупрежденіемъ другихъ и въ состояніи будетъ добросовѣстно отнестись къ своей работѣ, противно тому, что происходитъ теперь. Припомнимъ слова профессора Мартенса: «Про

многіе русскіе переводы можно справедливо сказать, что они оказались «могилой для оригиналовъ».

Насколько же вѣрно положеніе, что издателю выгоднѣе платить автору за право перевода, чѣмъ не платить, наглядно показываютъ слѣдующіе факты изъ моего личнаго опыта переводчика: Издатель дешеваго журнала «Всемірная Библіотека», стоющаго всего 3 рубля въ годъ съ пересылкой, помѣстилъ мой переводъ съ рукописи романа Зола: «la Débâcle»; и единственно за преимущество выпустить мой переводъ за три недѣли до выхода оригинала въ повременномъ французскомъ изданіи, онъ, въ разсчетѣ на усиленную подписку на его журналъ, уплатилъ автору и мнѣ довольно большой гонораръ, сравнительно съ размѣромъ подписной цѣны на его изданіе. Другой примѣръ: издатель журнала того же характера, а именно: «Вѣстника иностранной литературы», уславливался со мной въ прошломъ году о помѣщеніи на тѣхъ же основаніяхъ перевода съ рукописи новаго романа Зола: «Docteur Pascal»; и только въ виду невозможности разрѣшить ему помѣстить переводъ раньше трехъ недѣль до выпуска оригинала, наша сдѣлка не состоялась. Авторъ же не могъ дать этого разрѣшенія опять таки въ виду отсутствія гарантіи того, что содержаніе его романа не стало бы извѣстнымъ во Франціи, если не дословнымъ обратнымъ переведомъ, то въ сжатомъ анализѣ произведенія, что нанесло бы ущербъ французскому издателю. Какъ бы то ни было, эти примѣры показываютъ, что если издатели такихъ дешевыхъ журналовъ *) видятъ уже свою выгоду уплатить автору гонораръ только за преимущество помѣстить переводъ нѣсколько раньше другихъ русскихъ періодическихъ изданій, то насколько прибыльнѣе будетъ имъ заручиться уже исключительнымъ правомъ на переводъ.

Но вотъ еще поразительнѣе примѣръ того, какимъ образомъ предпріимчивый издатель, уплативъ даже очень крупную сумму, съумѣлъ удешевить и сдѣлать общедоступными произведенія одного изъ современныхъ и самыхъ популярныхъ авторовъ, когда права послѣднихъ ограждены. Я говорю о приложеніи къ «Нивѣ», въ видѣ преміи, сочиненій Достоевскаго. За какія-нибудь семь рублей въ годъ съ пересылкой, подписчикъ прі-

*) Я уже не говорю о болѣе дорогихъ изданіяхъ, изъ которыхъ, напримѣръ, «Русское Обозрѣніе» уплатило по 100 руб. за печатный листъ моего перевода съ рукописи романа Альфонса Додэ: «Rose et Ninette».

обрѣтаетъ еженедѣльный иллюстрированный журналъ, ежемѣсячный журналъ и цѣлый рядъ другихъ премій, а сверхъ всего половину полнаго собранія сочиненій Достоевскаго, стоимость которой равняется сама по себѣ всей подписной платѣ на «Ниву». А между тѣмъ, издатель, долгимъ опытомъ, сознаетъ выгоду этой комбинаціи, такъ какъ громадный спросъ до сихъ поръ оправдывалъ его надежды и крупная сумма авторскаго гонорара служитъ ему только средствомъ къ неимовѣрно большему распространенію его изданія. Распредѣленная на громадное число подписныхъ экземпляровъ, эта сумма ляжетъ легкимъ бременемъ но общихъ расходахъ по изданію.

Почему тѣ же соображенія, та же метода не можетъ быть примѣнима,—конечно, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ,—къ огражденнымъ переводнымъ произведеніямъ, въ особенности если авторъ оригинала, какъ Зола или Додэ, пользуется всемірной популярностью? Исключительный переводъ ихъ новыхъ произведеній будетъ даже имѣть болѣе характеръ новинки, чѣмъ новое дешевое изданіе извѣстнаго отечественнаго автора. Или быть можетъ опасаются преувеличенныхъ требованій этихъ литературныхъ знаменитостей? Можетъ быть думаютъ, что, въ виду особой только-что доказанной выгоды, будутъ исключительно ихъ и переводить, въ ущербъ другимъ, менѣе извѣстнымъ иностраннымъ писателямъ, и во вредъ знакомства публики со всѣми проявленіями всеобщаго умственнаго и художественнаго движенія? Но, кромѣ того, что можно обставить международныя литературныя и художественныя соглашенія такимъ образомъ, какъ мы это увидимъ дальше, что преувеличенныя требованія будутъ немыслимы, я опять-таки напомню законъ предложенія и спроса. Никто себѣ не врагъ, и одинъ не дастъ больше чѣмъ можетъ, а другой не возьметъ больше чѣмъ дадутъ; и тотъ и другой возьметъ и дастъ то, что условія даннаго рынка установятъ. Такъ оно и происходитъ на рынкѣ переводной литературы во всѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ существуетъ авторское право на переводъ. Возмемъ, напримѣръ, Зола, такъ-какъ о немъ теперь всего больше говорятъ противники права на переводъ и преимущественно потому, что его произведенія болѣе всего читаются во всѣхъ странахъ свѣта, между прочимъ и въ Россіи.

Кстати скажу, что даже за свой французскій оригиналъ Зола

получаетъ всего 60 сантимовъ, т. е. 18 % съ проданнаго экземпляра; мнѣ это извѣстно отъ его издателя и отъ него самого. 18 %—гонораръ меньшій даже обыкновенной скидки, дѣлаемой книгопродавцамъ. Но это только къ слову: не нужно забывать, что это тоже послѣдствіе недостатка спроса, сравнительнаго застоя въ книжномъ дѣлѣ и медленности въ оборотахъ капитала.

Но за какую сумму продаетъ Золя свое право на переводъ? Въ европейскихъ государствахъ 10.000 франковъ maximum и 6 и 4 тысячи minimum. 10 тысячъ франковъ это, при нынѣшнемъ курсѣ, приблизительно 3.700 рублей; полагая объемъ романа Золя, въ среднемъ, въ 30 русскихъ печатныхъ листовъ (переводъ «Débâcle» имѣлъ около 40 листовъ), мы получимъ для maximum'а гонорара за право перевода приблизительно 120 рублей за листъ. А я уже сказалъ, что даже при настоящемъ порядкѣ вещей, т. е. при возможности помѣстить немного ранѣе другихъ *начало* перевода съ рукописи, «Русское Обозрѣніе» нашло выгоднымъ заплатить за мой переводъ «Розы и Нинетты» Додэ по 100 рублей за листъ, куда вошелъ, впрочемъ, и гонораръ за переводный трудъ. Но были случаи, что русскій журналъ платилъ Зола, когда онъ менѣе былъ извѣстенъ во Франціи, до 200 рублей за листъ, а другіе русскіе изданія и теперь предлагали заплатить въ томъ же размѣрѣ за переводъ съ рукописи романа Додэ, но съ условіемъ помѣщенія значительной части произведенія до выхода въ свѣтъ оригинала. При настоящемъ отстутствіи гарантій противъ разоблаченія содержанія романа для французскихъ читателей, эта комбинація, какъ мы видѣли уже, невозможна. Итакъ, даже теперь, и при максиминальномъ вознагражденіи за право перевода, принятомъ въ европейскихъ государствахъ, полистная плата въ 120 рублей не кажется повременному русскому изданію преувеличеннымъ требованіямъ. Къ тому же всѣ эти разсчеты основаны на максиминальномъ вознагражденіи.

Почему же думать, что Россія должна будетъ платить больше Италіи или Испаніи, которыя довольствуются минимальной платой. Я говорю, что довольствуются эти страны, а не авторъ, потому-что не онъ устанавливаетъ стоимость, а спросъ мѣстнаго книжнаго рынка. Наконецъ, *первое* пріобрѣтеніе перевода въ журналѣ заключаетъ большей частью и право на *первое* отдѣльное изданіе его. Я съ умысломъ опираю на словѣ «первое», такъ какъ это право, какъ мы увидимъ дальше, не исключаетъ воз-

можности, по истеченіи извѣстнаго срока, появленія другихъ переводовъ и даже перепечатокъ перваго. Что же касается до менѣе извѣстныхъ иностранныхъ романистовъ то, понятно, что ихъ требованія могутъ быть только пропорціональны спросу на ихъ произведенія и между ними найдутся весьма многіе, съ несомнѣннымъ талантомъ, которые охотно уступятъ на извѣстный срокъ всѣ свои права на переводъ за одну-другую сотню рублей, а то и просто удовлетворятся тѣмъ, что ихъ, по крайней мѣрѣ, будутъ спрашивать о дозволеніи перевода и окажутъ вниманіе посылкой, напримѣръ, экземпляра перевода въ красивомъ переплетѣ. Что же касается до Монтепеновъ, то придется, пожалуй, ихъ меньше переводить.

Такимъ образомъ, умѣренная приплата за право перевода не только выгодна издателю, обезпечивая ему широкій сбытъ, не только матеріальному и нравственному праву иностраннаго автора, ограждая его отъ извращенія формы и содержанія его сочиненія; не только русскому автору, защищая его отъ массовой конкурренціи переводной макулатуры, но еще, и въ особенности, русскому читателю, который за ту же цѣну, если не дешевле, вмѣсто таинственныхъ романовъ Монтепена или Буагобея, купитъ произведеніе Тургенева или Золя, Чехова или Поля Бурже.

Тоже, если не съ большимъ основаніемъ, можно сказать объ авторахъ ученыхъ сочиненій. Всѣ знаютъ насколько малъ размѣръ гонорара, уплачиваемый за научное оригинальное произведеніе во всѣхъ странахъ свѣта. Это зависитъ не только отъ большей оригинальности круга читателей, но еще отъ того, что ученые не смотрятъ на ихъ сочиненія какъ на главную статью ихъ бюджета, а видятъ въ нихъ средство возможно большаго распространенія ихъ спеціальныхъ или общенаучныхъ изысканій. Обыкновенно ихъ матеріальное положеніе, въ смыслѣ постояннаго дохода, наиболѣе обезпеченное изъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ находятся другіе труженники ума.

Ихъ изслѣдованія—часто результатъ преподавательской дѣятельности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или работы на службѣ въ другихъ образовательныхъ государственныхъ учрежденіяхъ: больницахъ, лабораторіяхъ, музеумахъ, зоологическихъ и ботаническихъ садахъ, академіяхъ, библіотекахъ, наконецъ въ судебномъ или военномъ вѣдомствѣ и проч. и проч. Они могутъ, слѣдовательно, поставить себѣ главной

цѣлью печатанія ихъ сочиненій не прибыль, а нравственное удовлетвореніе обнародованія и распространенія въ оригиналѣ и въ переводѣ ихъ научныхъ положеній и заключеній. Для нихъ важно, слѣдовательно, въ особенности то, что юридическая наука называетъ, въ противоположность разсмотрѣнному уже нами *вещественному праву*, *личнымъ правомъ*, т. е. въ переводѣ на простой языкъ: право воспретить при переводѣ искаженіе общей мысли сочиненія и даже формы и способа выраженія ея. Они откажутся скорѣе отъ всякаго денежнаго вознагражденія, когда имъ поручатся, что переводъ будетъ сдѣланъ компетентнымъ въ данной спеціальности лицомъ, чѣмъ согласятся взять себѣ разницу между гонораромъ переводчика спеціалиста и профана. Въ самомъ дѣлѣ, малѣйшая ошибка при передачѣ формулы, неточность въ пріисканіи термонологическаго эквивалента. компрометируетъ иногда всю книгу и нарушаетъ гораздо большее драгоцѣнное имущество, чѣмъ возможные гонорары—научное имя автора.

Въ то же время страдаетъ и всякое серьезное научно-издательское дѣло. Чѣмъ добросовѣстнѣе относится къ нему издатель, чѣмъ больше онъ старается обставить гарантіями точное иноязычное воспроизведеніе научнаго оригинала и дѣлаетъ для этого необходимыя затраты, тѣмъ болѣе онъ рискуетъ быть предупрежденнымъ, при отсутствіи правоваго охраненія перевода, лубочныхъ изданіемъ, основаннымъ на принципѣ: скоро дешево и гнило, такъ-какъ чѣмъ авторъ извѣстнѣе, тѣмъ скорѣе стараются воспользоваться его новымъ произведеніемъ. По неволѣ добросовѣстный издатель, опоздавъ на книжный рынокъ съ своимъ болѣе дорогимъ изданіемъ, долженъ или нести убытки, или совсѣмъ устраняться отъ такой полезной дѣятельности. Отсюда застой въ разумной предпріимчивости, кризисъ книжной торговли и, какъ прямое послѣдствіе ихъ, убытокъ для того умственнаго обогащенія общества, за которое такъ ратуютъ приверженцы безшабашной свободы перевода.

Какъ не ясны, какъ не очевидны эти соображенія, чтобы не быть голословнымъ я приведу примѣръ, сообщенный мнѣ еще на дняхъ, и взятый изъ практики двухъ членовъ вашего же Общества книгопродавцевъ и издателей: Г. Девріенъ предпринялъ изданіе перевода Цопфа о *Бактеріяхъ* и поручилъ эту работу одному компетентному въ этой наукѣ спеціалисту. Онъ уже началъ печатаніе перевода, когда, по счастливой случайности,

онъ узналъ отъ самого г-на Риккера, съ которымъ онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ, что его собратъ тоже поручилъ переводъ спеціалисту и тоже далеко зашелъ въ печатаніи его. Благодаря отношеніямъ двухъ издателей, при чемъ и интересъ заставлялъ, рѣшено было соединить общія силы издателей и переводчиковъ, изъ которыхъ одинъ дѣлалъ для русскихъ читателей разъясненія и примѣчанія съ зоологической точки зрѣнія, а другой—съ ботанической. Какъ видите, переводъ былъ обставленъ всѣми научными гарантіями и, вслѣдствіе этого требовалъ, конечно, и болѣе продолжительнаго срока для исполненія его. Вдругъ, за мѣсяцъ до выхода книги, гдѣ-то въ Кіевѣ или Москвѣ, появилась скороспѣлая и сокращенная передѣлка того-же сочиненія. И цѣна этой передѣлки 1 р. 25 к., когда, въ научномъ отношеніи, она и гроша не стоитъ. Между тѣмъ, изданіе Риккера и Девріена, въ виду издательскихъ расходовъ, научной цѣнности, затраченнаго труда и невозможности заранѣе разсчитывать на весь кругъ образованныхъ читателей, при свободѣ перевода, стоитъ 2 рубля. А 1 р. 25 к. меньше, чѣмъ два рубля, и заинтересованные читатели не могутъ предвидѣть появленіе другого болѣе достойнаго, хотя и дорогого, изданія: на безрыбьи и ракъ рыба. И выходитъ, что первый обманутый все тотъ же жаждущій просвѣщенія или науки читатель. Вотъ почему такъ важно «личное право» автора на переводъ, тѣсно связанное къ тому же, какъ мы видѣли, съ «вещественнымъ».

Но это «личное право» важно не только для ученыхъ; въ охраненіи его не менѣе заинтересованы и литераторы, и художники, и композиторы. Приведу новый, особенно характеристичный примѣръ. Вамъ извѣстно, что знаменитый русскій писатель, гр. Л. Н. Толстой, публично разрѣшилъ перепечатывать, переводить, пользоваться какъ угодно его сочиненіями послѣднихъ лѣтъ, не спрашивая его дозволенія. Дальше въ отреченіе отъ своей литературной собственности уже идти нельзя. Но вотъ появляется въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» его статья «Недѣланіе», въ которой онъ возстаетъ противъ нравственныхъ положеній о трудѣ Зола и соглашается съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ Дюма-сына. Понятно, что эту статью поспѣшили перевести на французскій языкъ и, на основаніи этого перевода, загорѣлась во Франціи оживленная полемика. И вотъ, нѣдель за шесть до моего пріѣзда въ Петербургъ, я получаю отъ Льва

Николаевича письмо, въ которомъ онъ меня «убѣдительно» проситъ помѣстить во французскихъ газетахъ слѣдующее его заявленіе, написанное по французски.

«La traduction de mon article: «Le Non-Agir», publiée dans la «*Revue des Revues*» du 1-er octobre, a été faite á mon insu et elle est tellement défectueuse, que je n'en accepte pas la responsabilité». То есть: «Переводъ моей статьи: «Не-Дѣланіе», помѣщенный въ«*Revue des Revues*», былъ сдѣланъ безъ моего вѣдома и онъ до такой степени извращенъ, что по отношенію къ нему я не принимаю на себя отвѣтственность».

Л. Н. просилъ меня помѣстить этотъ протестъ въ «Journal des Débats» или «Figaro»; но ни та, ни другая газета не соглашались «faire la laiçon á un confrère», съ которымъ онѣ состояли къ тому же въ хорошихъ отношеніяхъ. Короче, письмо гр. Толстаго было получено мною когда полемика по поводу его статьи уже почти улеглась, а протестъ появился, только послѣ мѣсячнаго поиска за гостепріимной газетой, въ «Echo de Paris». Но на протестъ этотъ не отозвалось во всей французской печати никакое другое эхо; такъ онъ и заглохъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что «*Revue des Revues*» злявило о полученіи имъ отъ самого Толстаго рукописи оригинала его статьи и что въ своемъ письмѣ, удивленный писатель сообщалъ мнѣ, что не только ничего не посылалъ редакціи этого журнала, но наоборотъ, ему эта продѣлка тѣмъ болѣе непріятна, что онъ послалъ по ея просьбѣ, въ редакцію другаго французскаго изданія «*Revue de Famille*» рукопись французскаго текста своей статьи одновременно съ русскимъ оригиналомъ въ «Сѣверный Вѣстникъ». По просьбѣ Л. Н., я справился у редактора *Revue des Famille* о судьбѣ статьи «Le Non-Agir» и онъ мнѣ отвѣтилъ, что послѣ перевода, какъ бы онъ плохъ ни былъ, появившегося въ «*Revue de Revues*», ему не возможно больше напечатать присланный подлинный текстъ. Таково положеніе, создаваемое отсутствіемъ личнаго права автора.

Но фактъ этотъ достаточно краснорѣчивъ, чтобы нуждаться въ излишнихъ комментаріяхъ. Когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію нынѣшнихъ условій распространенія произведеній русской литературы и искусства, мы увидимъ, какъ вліяютъ на него подобнаго рода факты. Сначала покончимъ со стороной вопроса о положеніи русскаго искуства внутри Россіи, сказавъ нѣсколько словъ о музыкальной и художественной отрасли его.

V.

Все, что было сказано о русскихъ произведеніяхъ изящной словесности и науки, одинаково относится къ трудамъ композиторовъ, художниковъ и сопричастныхъ съ искуствомъ послѣднихъ иллюстраторовъ. граверовъ, фотографовъ, а также о составителяхъ географическихъ картъ, плановъ и проч., и проч. Мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ положенія первыхъ двухъ категорій авторовъ.

Цитированный выше почтенный музыкальный издатель, г. Бессель,—прежде весьма умѣренный защитникъ заключенія международныхъ конвенцій, а теперь довольно условный сторонникъ его,—утверждалъ слѣдуещее три года тому назадъ:

«У насъ, въ Россіи, произведенія нашихъ отечественныхъ композиторовъ исполняются вездѣ безплатно, (кромѣ оперъ—да и тутъ антрепенеры весьма часто не выплачиваютъ ничтожнѣйшій гонораръ). Законъ нашъ признаетъ плату только за исполненіе оперы или ораторіи—все прочее исполняется безплатно». (*«Новое Время»* 5 Ноября 1890 г:).

Да, возразитъ мнѣ г. Бессель, но вѣдь я говорилъ о недостаткѣ внутренняго охраненія музыкальныхъ правъ автора; какое же отношеніе имѣетъ это къ международнымъ правамъ его? или, если имѣетъ, то сначала слѣдуетъ позаботиться о сравненіе внутренныхъ русскихъ законовъ съ вполнѣ выработанными авторскими правами заграницей, Но мы вскорѣ увидимъ что это двѣ стороны одного и того же вопроса, тѣсно связанныя между собой, разсмотреніе и рѣшеніе которыхъ невозможно въ отдѣльности.

Чтобы покончить съ вопросомъ о матеріальныхъ условіяхъ, при которыхъ приходится работать и русскимъ композиторамъ, лишеннымъ охраны авторскихъ правъ, какъ внутри, такъ и внѣ предѣловъ Россіи, я упомяну только о моемъ разговорѣ съ однимъ музыкальнымъ критикомъ. Тяжелымъ газетнымъ трудомъ (кромѣ музыкальныхъ рецензій, онъ завѣдуетъ еще ежедневнымъ отдѣломъ обзора газетъ и журналовъ), онъ зарабатываетъ необходимыя средства къ существованію только для того, чтобы весь свой краткій досугъ посвящать любимому имъ музыкальному искусству. Чтобы отдаться творчеству, онъ принужденъ отказывать себѣ въ самыхъ не-

обходимыхъ умственному труженику развлеченіяхъ и внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, жить, по его выраженію, «медвѣдемъ».

Многимъ-ли лучше матеріальное положеніе и самыхъ популярныхъ русскихъ композиторовъ? Не слышно что-то не только о бѣшеныхъ деньгахъ, загребаемыхъ ими въ театральной кассѣ, или у своихъ издателей, а даже просто о слѣдуемомъ вознагражденіи обезпечивающаго имъ заслуженный достатокъ. А почему? Войдите въ любой русскій музыкальный магазинъ и спросите какое-нибудь сочиненіе русскаго композитора и паралельно съ нимъ партитуру того же объема иностраннаго автора и, будь то Гуно или Вагнеръ, Масканьи или Бизе и проч., вы всегда заплатите за ихъ сочиненія белѣе чѣмъ вдвое дешевле сочиненій Глинки или Сѣрова, Рубинштейна или Чайковскаго, Римскаго-Корсакова или Глазунова. Такъ, полная опера для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано любаго изъ первыхъ композиторовъ стоитъ 3, 4 и не больше 5 рублей. Опера же каждаго изъ вторыхъ, независимо отъ степени извѣстности его, стоитъ 8, 10 и 12 руб.; «Фаустъ»—Гуно, «Полное и роскошное изданіе для фортепіано, со включеніемъ «Вальпурьгіевой ночи» и съ портретомъ композитора», читаю я въ каталогѣ одного русскаго издателя *), стоитъ всего 1 р. 50 к.; другой издатель, продавая по 12 руб., какъ классическія, такъ и самыя новѣйшія оперы, предлагаетъ за 5 или даже за 3 руб. оперу съ нотами для пѣнія иностранныхъ композиторовъ съ *полнымъ оригинальнымъ французскимъ или нѣмецкимъ текстомъ*. Тутъ уже самое открытое и при томъ двойное «заимствованіе» чужой собственности безъ малѣйшаго внесенія личнаго труда. Дальше по пути «контрафакціи» идти нельзя.

Возьмемъ болѣе распространенный родъ изданій оперъ для фортепіано въ 2 руки. Изъ катологовъ московскихъ издателей І. Юргесона, А. Тутхейля, петербургскаго В. Бесселя и проч. мы видимъ, что всѣ классическія оперы иностранныхъ композиторовъ: Беллини, Бизе, Бойто, Вагнера, Верди, Галеви, Гуно, Доницетти, Мейербера, Обера, Россини, ..ма, Флотова, или оперныя сочиненія новѣйшихъ авторовъ: Масканьи, Леонковалло, Делиба, Массене, Годара и проч. и проч. стоютъ безразлично 1 р. 50 к. и большей частью, покрайней мѣрѣ у Тутхейля, изданы въ 4-ю долю листа. Того же формата изданія оперъ для

---

*) Книжнаго и музыкальнаго магазина журнала „Наше Время“.

фортепіано русскихъ авторовъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, все равно, какъ Аренскаго, Бламберга, Бородина, Глазунова, Глинки, Даргомыжскаго, Цезаря Кюи, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Рубинштейна, Соловьева, Чайковскаго и проч. стоютъ 4 и 5 рублей, а въ 8-ю долю—3 рубля.

Невыгодность этихъ цѣнъ для развитія русскаго музыкальнаго искусства очевидно. Въ то же время мы имѣемъ дѣло здѣсь съ такимъ беззастѣнчивымъ захватомъ чужой собственности, даже безъ извиненія внесенія какого-либо личнаго труда, въ видѣ, напримѣръ, перевода, что даже самые ярые противники литературныхъ конвенцій возстаютъ противъ такого рода «контрафакціи».

Правда, г. Бессель утверждалъ,—въ своемъ старомъ фельетонѣ «Новаго Времени», который мы имѣли уже случай цитировать,—что во Франціи композиторы обыкновенно продаютъ свои авторскія права издателямъ, а потому «вопросъ о музыкальной собственности долженъ быть сведенъ исключительно къ вопросу и объ охранѣ матеріальныхъ интересовъ издателей-коммерсантовъ, а вовсе не къ охранѣ правъ авторскихъ, не матеріальныхъ». Кромѣ того, что я не вижу, почему въ благоустроенномъ государствѣ можно присваивать чужую собственность потому что она издательская, а не авторская, молодой юристъ А. Ф. Федоровъ, профессоръ Новороссійскаго университета, отвѣчаетъ г-ну Бесселю, что «не будь права собственности у автора—не будетъ ихъ у издателей. Г. Бессель, повидимому, не отрицаетъ, основательности этого принципа, продолжаетъ молодой профессоръ, впрочемъ только настолько, насколько онъ касается русскихъ подданныхъ». Отмѣтивъ затѣмъ, что пребывающіе въ Россіи иностранцы, въ правахъ музыкальной собственности, сравнены закономъ съ русскими подданными, г. Федоровъ прибавляетъ: «не будетъ-ли внутренняго противорѣчія: произведенія одного лица—русскаго подданнаго или даже иностранца, но пребывающаго въ Россіи—ограждать закономъ и, въ то же самое время, произведенія другаго лица — только потому, что онъ иностранецъ, не пребывающій въ Россіи—лишать законнаго покровительства въ предѣлахъ Имперіи, оставляя ихъ на произволъ всякаго, кто пожелаетъ ихъ эксплоатировать любымъ образомъ? Не есть-ли это оскорбленіе современныхъ правовыхъ воззрѣній? Ужъ если начать придерживаться этого сомнительнаго принципа, то слѣдовало бы отказать

въ законодательномъ огражденіи правъ и на матеріальныя произведенія труда иностранца! Слѣдовало бы допустить всякому безнаказанно, напр., выхватить у часовщика часы изъ магазина, или сапоги изъ сапожной мастерской, разъ эти заведенія принадлежать иностранцу, не живущему въ Россіи! Но у насъ до такой послѣдовательности отставаимаго г. Бесселемъ принципа еще, къ счастію, не дошли. Почему же, спрашивается, не стѣсняются настаивать на лишеніи законодательнаго огражденія правъ на произведенія духовной дѣдтельности человѣка, не смотря на то, что послѣднія требуютъ для своего выполненія, въ среднемъ, и значительно болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ большинство матеріальныхъ произведеній, и значительно большихъ, оригинальныхъ способностей? Вѣдь не возражаютъ же противъ признанія правъ собственности на изобрѣтенія и открытія, сдѣланныя иностранцемъ?»

Но, быть можетъ, настоящее положеніе выгодно зарождающейся въ Россіи дѣятельности музыкальнаго издательства? Близорукій взглядъ по отношенію къ контрафакціи, настолько же, на сколько мы видѣли это по отношенію къ даровой переводной литературѣ. Такъ какъ право перепечатывать чужую музыкальную собственность предоставлено не одному лишь лицу, а всѣмъ желающимъ, то всѣ русскіе издатели имъ и пользуются, говоритъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» г. Югорскій со словъ представителя одной Лейпцигской музыкальной фирмы, торгующей съ русскими издателями. Я цитирую: «Вслѣдствіе конкурренціи, естественно отсюда истекающей, цѣна въ продажѣ на такія произведенія, на которыя всѣ имѣютъ право перепечатки, понижена въ настоящую минуту до минимума, до стоимости бумаги и потребныхъ для печатанія гравировальныхъ досокъ, плюсъ какой-нибудь ничтожный процентъ» *).

Г. Бессель жалуется на застой въ дѣлѣ музыкальнаго издательства, называетъ русскія старыя фирмы, которыя вынуждены были ликвидировать свои дѣла, и, странно, самъ же указываетъ на то, что эти ликвидаціи произошли какъ разъ за время отмѣны франко-русской конвенціи 1861 года. Не скорѣе-ли причина нежелательнаго застоя въ той именно бѣшенной погонѣ за даровыми перепечатками, отъ которой такъ сильно стра-

*) *«Московскія Вѣдомости»* 11 Іюля 1893 г.

дало книжное дѣло въ Бельгіи до залюченія ею литературной конвенціи съ Франціей?

Ну, а любители музыки? спросятъ меня, вы что-то менѣе распространяетесь о нихъ, чѣмъ о читателяхъ переводовъ? Не забывайте: «Salus populi—suprema lex!» Конечно. Но пусть не забываютъ и другіе, что этотъ populi любителей, все же гораздо малочисленнѣе всѣхъ знающихъ грамоту, все же въ общемъ достаточнѣе и культурнѣе, и, я полагаю, что онъ съ удовольствіемъ приплатитъ нѣсколько за партитуру иностраннаго композитора, чтобы имѣть возможность дешевле пріобрѣсти произведенія родныхъ ему авторовъ, чаще услышать родные мотивы. Да и приплатитъ-ли еще: законъ увеличенія сбыта, а слѣдовательно и уменьшеніе цѣны, при исключительномъ правѣ изданія, вездѣ одинаково приложимъ.

Совершенно то же можно сказать и о произведеніяхъ художественныхъ. Я не стану поэтому повторяться. Здѣсь мѣсто только отмѣтить тотъ отрадный фактъ, что благодаря заботливому покровительству высшей русской власти, нѣкоторые изъ художниковъ, которыми справедливо можетъ гордиться Россія, могли въ полномъ матеріальномъ обезпеченіи и съ необходимымъ спокойствіемъ духа, проявить всю силу своего таланта, а не погрязть въ тинѣ будничной борьбы за существованіе. Ихъ произведенія, живописныя или скульптурныя, оплаченныя щедрой рукой, красуются или въ собственныхъ Императорскихъ покояхъ, или въ галлереяхъ Эрмитажа.

Вообще замѣтно, что тамъ, гдѣ русское искусство находиться въ непосредственномъ вѣдѣніи русскаго правительства, какъ напримѣръ, въ Императорскихъ театрахъ, литературная и художественная собственность наиболѣе охраняема. Извѣстно, что въ 1882 году дирекція Императорскихъ театровъ заявила о своемъ намѣреніи платить гонораръ русскимъ авторамъ драматическихъ и музыкальныхъ произведеній, не смотря на то, что она не была къ тому обязана русскимъ положеніемъ о литературной собственности, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она заключила спеціальную конвенцію съ Французскимъ Обществомъ драматурговъ и композиторовъ, установлявшей опредѣленный гонораръ за представленіе на Императорскихъ сценахъ оригинальныхъ или переводныхъ произведеній членовъ Общества

Совсѣмъ обратное происходитъ на частныхъ русскихъ сценахъ, гдѣ—по этой причинѣ—гораздо рѣже предпочитаютъ про-

изведенія молодого русскаго искусства твердо установившемуся иностранному.

Я кончилъ обзоръ условій, въ которыя поставлена русская духовная производительность отсутствіемъ огражденія международныхъ авторскихъ правъ. Пора узнать, какое вліяніе имѣетъ эта безправность русскихъ авторовъ на распространеніе ихъ произведеній за предѣлами России.

VI.

Я до сихъ поръ приводилъ свидѣтельства все русскихъ ученыхъ и публицистовъ. Принявши нѣкоторое участіе въ ознакомленіи съ русской литературой Европейской читающей публики, я буду ссылаться теперь на собственный опытъ, вынесенный изъ моей литературной дѣятельности во Франціи.

Всѣмъ памятно то сильное увлеченіе французовъ произведеніями русской литературы. Послѣ классиковъ и только нѣкоторыхъ извѣстныхъ новѣйшихъ писателей, стали безъ разбору переводить и авторовъ, мало пользующихся авторитетомъ въ самой Россіи. Отсутствіе защиты авторскихъ правъ привело къ злоупотребленіямъ, о которыхъ говоритъ слѣдующій отрывокъ изъ неизданнаго письма ко мнѣ иниціатора широкаго движенія во Франціи въ пользу русскихъ произведеній:

«Вы знаете мои послѣдующіе труды, нѣсколько менѣе скрытые, чѣмъ доклады, писанные мною въ качествѣ секретаря посольства,—пишетъ мнѣ г. де-Вагюэ. Вы знаете, въ какое время я пріостановилъ ихъ, знаете, съ какой откровенностью я отвѣтилъ вамъ, когда Вы явились въ послѣдніе годы просить моего содѣйствія, что коммерческая жадность книгопродавцевъ убила курицу, несшую золотыя яйца. Они злоупотребили добротой нашей публики, которая хочетъ знакомиться съ избранными произведеніями, а не падать подъ тяжестью кучи неперевараимыхъ сочиненій. Оставалось только отвернуться и уступить дорогу торговцамъ, такъ какъ литература, въ этомъ ажіатажѣ русской прозы, уже была не причемъ,»

Въ то время, какъ самъ иниціаторъ литературнаго руссофильскаго дриженія во Франціи отступилъ передъ «ажіатажомъ русской прозы,» коммерсанты литературы, не встрѣчая никакихъ юридическиюъ препонъ со стороны заинтересованныхъ русскихъ авторовъ, продѣлывали надъ произведеніями послѣднихъ все-

возможныя манипуляціи, преподносили ихъ французской публикѣ подъ разными соусами и обманутые читатели переносили свое неудовольство на обезличенныхъ такимъ образомъ авторовъ.

Такъ, chef d'oeuvre Гончарова «Обломовъ» былъ урѣзанъ до неузнаваемости; другой его романъ «Обрывъ» былъ сокращенъ до размѣровъ полемической брошюры, подъ характернымъ нозваніемъ «Marc le nihiliste.» Я успѣлъ дать полный и точный переводъ только «Обыкновенной исторіи». Большая часть сочиненій Толстаго переводились и передѣлывались по нескольку разъ *), такъ что французскіе читатели перестали ихъ покупать, не желая заплатить вновь за, можетъ быть, уже пріобрѣтенное ими сочиненіе и не вѣдая къ тому же, какое изданіе подлинное.

Приведу еще фактъ, заимствованный изъ личной практики. Всѣ друзья покойнаго Тургенева помнятъ, безъ сомнѣнія, съ какимъ волненіемъ, съ какой болью за свое изуродованное дѣтище, говорилъ онъ о сдѣланномъ, сорокъ лѣть съ лишнимъ тому назадъ, переводѣ его «Записокъ Охотника». Не разъ указывалъ онъ и мнѣ на тѣ многочисленные пропуски, на тѣ частые самовольныя добавленія, переводчика, которыя совершенно исказали этотъ chef d'oeuvre русской словестности. Но французскіе издатели, не отступающіе передъ печетаніемъ замаскированныхъ передѣлокъ, отказываются вообще выпускатъ въ свѣтъ, съ чисто литературной цѣлью, болѣе точный переводъ сочиненія уже извѣстнаго публикѣ, хотя-бы въ самомъ несовершенномъ видѣ. Наконецъ, благодаря содѣйствію г-на Шамро, — зятя г-жи Віардо, въ семьѣ которой продолжаетъ свято чтиться память Тургенева, — мнѣ удалось напечатать у Олендорфа первый томъ новаго перевода «Записокъ Охотника»; вскорѣ долженъ былъ выйти второй томъ, когда мой издатель узнаетъ вдругъ о появленіи, въ дешевой коллекціи Фламмаріона, томика перевода, сдѣланнаго по *нѣмецкому переводу* и содержащаго всего пять разсказовъ изъ двадцатипяти, написанныхъ Тургеневымъ, но носящаго тоже общее заглавіе, что и наше изданіе:

---

*) Напримѣръ, соч. Л. Н. Толстаго: «Семейное счастіе» было переведено четыре раза подъ слѣдующими наименованіями: «Katia», «Macha», «le Roman d'un Mariage» и «le Bonheur de famille» «Дѣтство, отрочество и юность», его же, три раза: «Mes Mémoires», «Mes souvenirs» (сокращенное изданіе) и «Enfance et adolescence» (еще болѣе урѣзанное) и т. д. и т. д.

Recits d'un chasseur. И вотъ уже больше года, какъ вторая часть моего перевода ждетъ свой участи.

Говоря о безобразныхъ условіяхъ, въ которое поставлено, благодаря отсутствію гарантіи литературной собственности, дѣло распространенія произведеній русской литературы, приводя тому доказательства изъ личнаго опыта, я принужденъ сдѣлать и свое mea culpa. Впрочемъ, оно не затруднитъ меня: мнѣ стоитъ только повторить слова, произнесенныя мною по этому поводу на парижскомъ литературномъ конгрессѣ 1889 года. Я долженъ сознаться, что изъ болѣе чѣмъ сорока томовъ моихъ переводовъ русскихъ литературныхъ произведеній, я могу назвать безупречными только одинъ томъ Пушкина, одинъ Гоголя, одинъ Некрасова, три Тургенева, два Гончарова, всѣ переводы сочиненій Достоевскаго и тѣ сочиненія Толстого, которыя я перевелъ съ рукописи.

Только благодаря тому обстоятельству, что имена Пушкина, Гоголя, Тургенева,—авторовъ давно извѣстныхъво Франціи и сочиненія которыхъ считались сполна переведенными,—не пользовались ходкостью на книжномъ рынкѣ; благодаря тому, что переводъ стихотвореній Некрасова былъ слишкомъ сложный и неблагодарный, въ матеріальномъ отношеніи трудъ, что переводъ съ рукописи нѣкоторыхъ сочиненій Толстого, устранялъ возможность другихъ переводовъ, я могъ посвятить все необходимое время и стараніе для тщательнаго перевода этихъ произведеній.

Что же касается сочиненій Достоевскаго, то французскій издатель Плонъ, основываясь на толкованіи, хотя и ошибочномъ, декрета 1852 года, запрещающаго *перепечатку* во Франціи какихъ бы то ни было иностранныхъ произведеній независимо отъ національностей авторовъ, рѣшилъ возможнымъ купить у г-жи Достоевской на 5 лѣтъ исключительное право перевода сочиненій ея покойнаго мужа. Угрозой суда другимъ французскимъ издателямъ, имѣлъ ли онъ на то юридическое основаніе иля нѣтъ, г. Плонъ далъ во всякомъ случаѣ возможность мнѣ и другимъ переводчикамъ Достоевскаго спокойно и серьезно отнестись къ нашей работѣ.

Вотъ почему Достоевскій оказывается единственнымъ русскимъ писателемъ, сочиненія котораго не пострадали во Франціи отъ беззастѣнчивой коммерческой предпріимчивости. Какое можно привести болѣе вѣское доказательство выгодности, именно

съ высшей литературной точки зрѣнія, международной конвенціи для огражденія всѣхъ, не-химерическихъ ужъ, а законноустановленныхъ правъ русскихъ авторовъ за границей?

Въ матеріальномъ же отношеніи никакой французскій издатель, не гарантированный въ томъ, что его изданіе перевода не будетъ просто перепечатано съ нѣкоторыми необходимыми измѣненіями или даже только вторично переведено, въ случаѣ успѣха книги, не видитъ выгоды въ такихъ предпріятіяхъ.

Но не смотря на всѣ эти условія, мѣшающія дальнѣйшему правильному распространенію за предѣлами Россіи произведенію русскаго генія, интересъ къ нимъ нисколько не слабѣетъ, а выражается только, вмѣсто непосредственнаго знакомства съ ними черезъ переводы, въ формѣ оригинальныхъ работъ иностранныхъ писателей о разнородныхъ проявленіяхъ русскаго ума и искусства. Такъ что и доводъ противъ литературной конвенціи о неравномѣрности литературнаго обмѣна между Франціей и Россіей не только не основателенъ, но еще приводитъ и къ констатированію того обратнаго факта, что неравномѣрность обмѣна, если не прямо происходитъ, то поддерживается только тѣмъ именно, что заключеніе франко-русской конвенціи кажется невыгоднымъ нѣкоторымъ органамъ русской печати, но никакъ не заинтересованнымъ русскимъ авторамъ и издателямъ.

Интересъ ко всему русскому во Франціи несомнѣненъ. Если г. де-Вогюэ и воздерживается въ настоящую минуту отъ прежде избранной имъ литературной дѣятельности, многіе другіе компетентные критики пошли по его слѣдамъ и усердно продолжаютъ содѣйствовать дѣлу четырехъ первыхъ пропагандистовъ руссовѣденія во Франціи: Луи Леже, А. Леруа-Болье, А. Рамбо и де-Вогюэ. Среди этихъ продолжателей нужно отличить тѣхъ, которые спеціальнымъ знаніемъ дѣла преслѣдуютъ неуклонно цѣль распространенія русской литературы, напр. Эрнестъ Дюпюи, Эмиль Геннекенъ, Ціонъ, Павловскій, Мишель Делинъ, Пьеръ де-Корвенъ, (Пьеръ Невскій), Арведъ Баринъ, де-Визева, Леонъ Зиклеръ, г-жа Лидія Пашкова и проч. Другіе только случайно вносятъ въ это дѣло свое авторитетное имя, какъ Франсискъ Сарсэ, Жюль Леметръ, Барьбе д'Оревильи, Поль Бурже, Поль Бурдъ, Поль Жинисти, Арманъ Сильвестръ, Катулъ Мандесъ, Эдуардъ Родъ и многіе другіе.

Перечисленіе, даже только въ видѣ каталога, въ этомъ

краткомъ обзорѣ того, что было сдѣлано во Франціи въ области руссовѣдѣнія, какъ прежде, такъ и въ особенности во второй половинѣ 80-хъ годовъ, способно было бы удивить не только русскихъ, но и самихъ французовъ. Достаточно будетъ напомнить о существованіи уже во Франціи, кромѣ многочисленныхъ переводовъ произведеній до-Пушкинскаго періода, сдѣланныхъ почти одновременно съ ихъ появленіемъ въ Россіи, французскихъ изданій всѣхъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, Л. Н. Толстого, многихъ произведеній Щедрина, Островскаго, Некрасова, Писемскаго, Данилевскаго, Крестовскаго (Псевдонима), графа А. К. Толстого, затѣмъ нѣкоторыхъ болѣе современныхъ: Гаршина, Короленко, Ясинскаго и до новѣйшихъ: Голицына-Муравлина, Потапенко, Чехова и проч., и проч., не считая разныхъ хрестоматій и сборниковъ избранныхъ произведеній русской прозы и поэзіи. Тогда же были переведены и сочиненія русскихъ ученыхъ Мендѣлѣева, Сѣченова, Манасеина, Мартенса, Драгомирова и другихъ. Теперь же по вышеизложеннымъ причинамъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ непосредственные переводы прекратились.

Съ другой стороны, несомнѣнно уже проявившееся вліяніе произведеній русскаго генія на нѣкоторыхъ представителей французской литературы. Самой французской критикой отмѣчено, напримѣръ, воздѣйствіе сочиненій Толстого на новое идеалистическое направленіе выразившееся въ произведеніяхъ такихъ талантливыхъ его представителяхъ какъ Эдуардъ Родъ, де-Визева и на самомъ комментаторѣ русскаго романа де-Вогюэ. На новѣйшихъ произведеніяхъ извѣстнаго французскаго писателя, Поля Бурже, отозвался психіатрическій способъ анализа Достоевскаго. Какъ я уже замѣтилъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ *), герой романа Поля Бурже, «le Disciple» весьма сродни герою романа Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе». Первый заимствуетъ у второго ту же аргументацію, тѣ же способы дѣйствія; разница только та, что дѣйствіемъ русскаго, отжившаго времени, руководитъ чувство ожесточенной гуманности, а французъ,—новѣйшее воплощеніе современнаго скептицизма,—только безпощадно эгоистиченъ.

---

*) Halperine-Kaminsky. «L'enseignement de la langue russe en France». *Revue Bleue* du 24 septembre 1892, p. 407.

Со всѣмъ этимъ, рѣдкій мѣсяцъ проходитъ, чтобы не появилось въ Парижѣ сочиненіе, касающееся проявленій умственной, художественной, политической, экономической, или общественной жизни Россіи. Успѣхъ, увѣнчавшій эти усилія, естественно вызываетъ въ настоящее время желаніе непосредственнаго знакомства и съ русскимъ языкомъ, преподаваемымъ уже не только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но, съ прошлаго года, и въ Парижскихъ лицеяхъ; произведенія генія великаго славянскаго народа станутъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе доступными его западнымъ друзьямъ и откроютъ французской молодежи все расширяющіеся горизонты, какъ въ области науки, литературы и искусства, такъ и торговыхъ и промышленныхъ интересовъ.

А пока вы видите, что преслуватая неравномѣрность обмѣна переводовъ между Франціей и Россіей, фактически освѣщенная, становится голословнымъ утвержденіемъ *), а при установленіи гарантій международныхъ авторскихъ правъ, превратится и въ совершенный мифъ.

VII.

Проф. Янякулъ разсматриваетъ вопросъ неравномѣрности обмѣна между Франціей и Россіей и съ другой, совсѣмъ новой и очень оригинальной, точки зрѣнія.Онъ высчитываетъ количество пудовъ книгъ *французскаго текста*, вывозимыхъ Франціей заграницу вообще и въ Россію въ частности и, обратно, даетъ цифру вывоза книгъ *русскаго текста* изъ Россіи. Онъ стремится, такимъ образомъ установить, что французы мало нуждаются въ русскихъ книгахъ. Вотъ его статистическія

---

*) Въ 1886 году, время, когда увлеченіе русской литературой приняло болѣе ровный характеръ, было переведено, по статистическимъ даннымъ, любезно сообщеннымъ мнѣ русскимъ издателемъ Карломъ Риккеромъ, русскихъ произведеній во Франціи—28, въ размѣрѣ 687 печ. листовъ, а французскихъ въ Россіи—48 названій, въ размѣрѣ 787 печ. лист. Причемъ, нужно замѣтить, что въ спискѣ русскихъ переводовъ съ французскаго находятся сочиненія M-me Аданъ, Бойе de Вогюэ и Местръ, посвященныхъ спеціально Россіи, и также, должно быть по ошибкѣ, учебникъ нѣмецкаго языка Олендорфа. Вообше же въ этомъ году вышло въ Россіи всего 200 переводныхъ сочиненій, *въ 3,725 листовъ, а переводовъ съ русскаго заграницей* 117 названій—*въ 2,636 листовъ.*

данныя: «Въ 1890 года, согласно «Обзору внѣшней торговли», Россія вывезла книгъ за границу (въ Европу и Азію) 18,385 пуд., на сумму 548,000 р., и изъ нихъ на долю Франціи отправлена лишь ничтожная часть въ 189 пуд. (!), тогда какъ получено изъ Франціи въ томъ же году 3,379 пуд., а всего иностранныхъ книгъ привезено къ намъ *болѣе шестидесяти тысячъ пудовъ*, т. е. мы получаемъ изъ Франціи книгъ почти въ 18 разъ больше, нежели отправляемъ; всего же Франція, согласно «Annuaire» Мориса Блока, вывозитъ заграницу книгъ на сумму 31½ милліон. франковъ (около 12½ милліоновъ рублей), или Франція производитъ для вывоза книгъ въ 20 слишкомъ разъ больше, нежели Россія».

Прекрасно, станемъ и на эту точку зрѣнія, хотя она не имѣетъ никакого отношенія къ цѣли, преслѣдуемой заключеніемъ литературной конвенціей: защиту отечественныхъ литературы и искусства, внутри и внѣ страны, противъ нерасчетливой контрафакціи и переводной макулатуры и, какъ мы видѣли, для вящей пользы народнаго просвѣщенія.

Во-первыхъ, проф. Янякулъ упустилъ изъ виду, что въ ряду многихъ странъ, куда ввозиться изъ Франціи такое большое количество пудовъ книгъ, Россія все менѣе и менѣе занимаетъ не только первостепенное, но даже второстепенное мѣсто. Я жалѣю, что не имѣю времени, въ свою очередь, привести здѣсь сравнительную статистику ввоза въ Россію французскихъ книгъ за послѣдніе, напримѣръ, 20 лѣтъ, принимая во вниманіе какъ прогрессирующій ростъ населенія, такъ и его культурное развитіе. Но по справкамъ, собраннымъ въ петербургскихъ магазинахъ иностранныхъ книгъ, оказывается, что спросъ на французскія сочиненія идетъ скорѣе къ уменьшенію, чѣмъ къ возвышенію. Оно и понятно: сознавая все болѣе и болѣе несомнѣнность своего духовнаго преуспѣянія, русскій народъ мало-по-малу силится освободиться отъ умственнаго чужеземнаго рабства, въ которомъ онъ находился доселѣ. «Нѣкогда всѣ высшіе русскіе чиновники, — говоритъ въ уже упомянутомъ письмѣ де-Вогюэ,—владѣли нашимъ языкомъ часто лучше, чѣмъ своимъ. Возвращеніе Россіи домой (le retrait de la Russie sur elle même), ознаменованное фактомъ, что дѣти семей высшаго свѣта отказываются говорить между собой по-нѣмецки или по-французски, дѣлаетъ то, что самые важные административные посты довѣряются, все чаще и чаще, людямъ мало знакомымъ

съ нашимъ языкомъ. Я позволю себѣ назвать только покойныхъ государственныхъ людей: генералъ Лорисъ-Меликовъ объяснялся по французски съ трудомъ и только въ крайнихъ случаяхъ; генералъ Грессеръ былъ въ томъ же положеніи въ то время, когда оставилъ Харьковъ, чтобы занять постъ градоначальника въ Петербургѣ. Это движеніе сосредоточенія въ себѣ и болѣе самостоятельное отношеніе къ иностранной культурѣ прогрессируетъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества».

Съ другой стороны во Франціи, подъ вліяніемъ именно возрастающаго значенія духовнаго роста русскаго народа, явилось стремленіе, какъ я отмѣтилъ выше, ознакомиться и съ его языкомъ.

И такъ, большій или меньшій ввозъ французскихъ книгъ въ Россію имѣетъ совсѣмъ другія причины, чѣмъ заключеніе или не заключеніе международной литературной конвенціи: заключеніе ея не поможетъ увеличенію ввоза французскихъ книгъ, какъ нынѣшная авторская безправность не увеличитъ вывоза русскихъ книгъ. Какое имѣетъ отношеніе этотъ вопросъ къ громадной стародавней распространенности французскаго языка во всѣхъ странахъ свѣта и къ незнакомству иностранцевъ съ молодымъ русскимъ языкомъ? Франція, еще больше чѣмъ въ Россію, вывозитъ свои произведенія умственнаго и художественнаго труда въ одноязычныя съ ней страны: Бельгію, Швейцарію, Канаду, въ Латынскія государства: Италію, Испанію, Южную Америку, а между тѣмъ они вошли съ ней (за исключеніемъ южно-американскихъ республикъ, заключившихъ съ Франціей сепаратныя конвенціи), въ одинъ литературный Бернскій союзъ. Къ тому же, ни одно изъ этихъ государствъ не можетъ похвастать тѣмъ расцвѣтомъ литературы и искусства, которымъ ознаменовалась духовная жизнь Россіи XIX вѣка, и все же они нашли выгоднымъ вступить съ Франціей въ названный союзъ. Нѣтъ, критеріумъ равномѣрности обмѣна можетъ быть приложимъ только развѣ при заключеніи торговыхъ трактатовъ, и то не всегда.

Я приводилъ уже примѣръ Бельгіи, ввозившей изъ Франціи тѣ тысячи пудовъ книгъ, которые такъ легки профессору Янжулу, занимавшейся той неимовѣрной контрафакціей, которая не мѣшаетъ г-ну Бесселю, и принужденной, наконецъ, не смотря на крики близорукихъ издателей, переживавшихъ кризисъ въ своей торговлѣ, заключить, въ 1852 году, литературную

конвенцію съ Франціей. Опытъ не оправдалъ страха издателей и издательская промышленность въ Бельгіи развивается съ того времени самымъ нормальнымъ образомъ. Еще больше, умудренная опытомъ, та-же страна ввела у себя, съ 1886 года, новый законъ о литературной собственности, въ силу котораго права иностранныхъ авторовъ охраняются въ предѣлахъ бельгійской территоріи, даже *безъ условія взаимности*. Изъ центра литературнаго «пиратства», какъ называли прежде Бельгію, сдѣлаться, подъ вліяніемъ многолѣтней практики «самоотверженнымъ» убѣжищемъ духовной собственности иностранцевъ,—какое можно привести болѣе наглядное доказательство *общей, несомнѣнной пользы* охраны международнаго права автора! (см. въ приложеніи текстъ статьи, касающейся иностранцевъ, бельгійскаго закона 1886 г.).

Еще поразительнѣе примѣръ С.—А. С. Штатовъ. На нихъ побѣдоносно ссылались, до сихъ поръ, противники охраненія въ Россіи международныхъ правъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Казалось, въ самомъ дѣлѣ, что нѣтъ ничего выгоднѣе положенія страны, говорящей на одномъ языкѣ съ столь богатой литературой, наукой, искусствомъ и вообще культурной Англіей, которую она могла безнаказанно эксплоатировать даже не прибѣгая къ посредничеству переводовъ. Въ то же время, всѣ эти Штаты не могли выставить ни одного художника, ни композитора, а въ литературѣ назвать имена Лонгефело, Эдгара Поэ, Бретъ-Гарта и обочлись.

Между тѣмъ, доведя систему протекціонизма, выразившейся, еще только въ 1890 г., въ биллѣ Макъ-Кинлея, до геркулесовыхъ столбовъ, тѣ же Соединенные Штаты издаютъ въ слѣдующемъ 1891-мъ году законъ, широко открывающій двери иноземному умственному и художественному творчеству и признающій за авторами всѣхъ національностей тѣ же права, какими пользуются американскіе авторы.

Почему же? Отвѣтъ намъ даетъ г. Борзенко, изучившій вопросъ на мѣстѣ, во время его недавняго пребыванія въ С.—А. С. Штатахъ. «Отвѣтъ,—говоритъ онъ,—лежитъ въ сознаніи, проникшемъ въ законодательные сферы Америки, того, что одни матеріальные успѣхи недостаточны для обезпеченія за молодымъ народомъ всемірно-историческаго значенія. Для этого нужно еще достигнуть высокаго умственнаго и художественнаго развитія. Въ этомъ отношеніи американцы разсуждаютъ

такъ: если законъ о патентахъ на изобрѣтенія далъ безпримѣрное въ исторіи развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ «прикладнымъ искусствамъ»,—достаточно вспомнить Эдиссона, чтобы согласиться съ этимъ;—то соотвѣтственнымъ образомъ составленный законъ о литературной и художественной собственности долженъ освободить населеніе Америки отъ «безпримѣрнаго въ исторіи мысли умственнаго порабощенія», какъ характеризуетъ серъ Генри Сумнеръ Мэнъ теперешнее состояніе умственнаго и художественнаго развитія Соединенныхъ Штатовъ».

«Новый законодательный актъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Борзенко,—удовлетворяетъ не одному только требованію справедливости но онъ направленъ, главнымъ образомъ, на поднятіе умственнаго уровня въ населеніи страны. Мысль объ этомъ подъемѣ духовныхъ силъ народа давно заботила людей, привыкшихъ вдумываться въ явленія окружающей жизни, они же указали вѣрнѣйшія къ тому средства Сѣръ-Генри-Сумнеръ Мэнъ, въ своей книгѣ Popular Gouvernement. (стр. 247) говоритъ: «Власть союзнаго правительства утверждать патенты на изобрѣтенія сдѣлалъ Американскій Народъ первымъ въ мірѣ по числу и совершенству изобрѣтеній, которыми онъ развилъ «прикладныя искуства» (useful arts); но, съ другой стороны, пренебреженіе въ примѣненіи этой власти къ выгодѣ иностранныхъ авторовъ принизило все населеніе Америки къ литературному порабощенію, не имѣющему себѣ подобнаго въ исторіи мысли» (Александръ, Борзенко. Литературная собственность въ Сѣверно-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ». Стр 7 и 21).

Сѣверные американцы, какъ практичный народъ, поняли, наконецъ, что настоящая для нихъ выгода не въ свободной эксплуатаціи чужой интеллектуальной собственности, а, напротивъ, въ ея огражденіи. Понявъ это, они, какъ всегда, скоро и по своему, разрѣшили вопросъ. Безъ всякихъ проволочекъ, ни долгихъ дипломатическихъ переговоровъ и переписокъ, они выработали и издали просто внутренній законъ, названный, по имени его составителей, *закономъ Платтъ-Симонда* (The Platt-Simonds Copyright Act, of March 1891.) и который одновременно устанавливаетъ права литературной и художественной собственности, между прочимъ и право на переводъ, какъ для отечественныхъ, такъ и для иностранныхъ авторовъ, но подъ условіемъ взаимности *). Изъ рѣчи американсеаго делегата на Миланскомъ кон-

*) См. текстъ закона Платтъ-Симонда въ приложеніи.

грессѣ 1892 г. мы узнаемъ, что уже приняли условія Соединенныхъ Штатовъ и согласились обезпечить у себя права ихъ авторовъ, на основаніяхъ закона Платтъ-Симонда, слѣдующія государства: Англія, Франція, Германія, Италія, Швейцарія и Бельгія, а Австро-Венгрія намѣревалась войти въ соглашеніе.

Примѣры Соединенныхъ Штатовъ и Бельгіи показываютъ намъ заодно необходимость и цѣлесообразность одновременной выработки несовершенныхъ или устарѣвшихъ внутреннихъ законовъ о литературной собственности, съ установленіемъ международныхъ правъ автора. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ русскихъ издателей, какъ напримѣръ, г. Бессель, и юристы, какъ самъ г. Борзенко, спеціально изучившій законъ Платтъ-Симонда, утверждаютъ, что, по отношенію къ Россіи, необходимо сначала улучшить внутреннее авторское право, а затѣмъ уже думать о заключеніи международныхъ конвенцій.

Но мы уже знаемъ изъ всего предыдущаго, что русскіе авторы страдаютъ не столько отъ недостатка охраны ихъ внутреннихъ правъ, сколько отъ душащей ихъ конкурренціи лубочныхъ изданій иностранныхъ произведеній. За все время существованія русскаго постановленія о литературной собственности, можно привести всего два-три, скажемъ десять, случаевъ перевода въ Россіи русскихъ произведеній внѣ авторскаго дозволенія. Свобода же перепечатки литературныхъ произведеній въ размѣрѣ меньше печатнаго листа врядъ-ли столь убыточна для русскихъ авторовъ, какъ упомянутая конкурренція, а перепечатка русскихъ музыкальныхъ произведеній внутри страны уже прямо возбраняется закономъ *). Во всякомъ случаѣ, это двѣ стороны одного и того-же вопроса, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть разсматриваема отдѣльно, ни позже ни прежде, такъ какъ внутреннее правовое положеніе автора зависитъ отъ установленія международнаго и обратно. Очевидность выгодъ международныхъ конвенцій должна вліять и на очевидность необходимости законовъ о внутреннихъ правахъ автора. Мы достаточно доказали это разнородными примѣрами, въ особенности примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ и практикой русскаго правительственнаго учрежденія, театраль-

*) См. въ приложеніи русскія «Постановленія о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ».

ной дирекціи, установившей гонораръ почти одновременно для русскихъ и иностранныхъ драматурговъ и композиторовъ.

VIII.

Намъ предстоитъ теперь разрѣшить задачу такимъ образомъ, чтобы изъ международнаго безправія, въ которомъ находился до сихъ поръ русскій авторъ, перейти на почву права, не слишкомъ ломая укоренившіеся обычаи русскаго журнальнаго и издательскаго дѣла.

Существуютъ четыре способа международной охраны литературной и художественной собственности:

1) сравненіе, внутреннимъ законоположеніемъ правъ иноземныхъ авторовъ съ правами отечественныхъ, безъ условія взаимности;

2) международное огражденіе духовной собственности общимъ соглашеніемъ нѣсколькихъ государствъ, вошедшихъ въ одинъ союзъ;

3) охраненіе ея посредствомъ частныхъ соглашеній, сепаратныхъ конвенцій;

и 4) признаніе ея на основаніи внутренняго законоположенія, подъ условіемъ взаимности.

Въ исторіи законодательства объ авторскомъ правѣ извѣстенъ былъ, до 1886 г., только одинъ примѣръ примѣненія перваго способа: французскій декретъ 28 марта 1852 года *). Проф. Мартенсъ называетъ его «рыцарскимъ», какъ безкорыстно уважающій чужой продуктъ духовнаго труда. Конечно, онъ имѣетъ и этотъ принципіальный характеръ, какъ подтверждается это соображеніями, изложенными въ докладѣ, предшествующемъ декрету тогдашняго французскаго министра юстиціи Аббатучи.

Но все, что мы говорили о пагубномъ вліяніи контрафакціи на національное развитіе умственнаго производства и книжной торговли въ Бельгіи и Соединенныхъ Штатахъ, показываетъ что это мѣропріятіе имѣло также характеръ чисто охранительный по отношенію къ этимъ труду и торговлѣ.

Россіи нѣтъ особенной причины подражать этому примѣру, такъ какъ контрафакція произведеній русскихъ авторовъ за-

*) См. текстъ декрета 1852 г. въ приложеніи.

границей не слишкомъ развита и распространенію продуктовъ перепечатки можетъ быть положена преграда заинтересованнымъ авторомъ на основаніи русскихъ постановленій о литературной собственности. Важно огражденіе права на переводъ русскихъ авторовъ за предѣлами Россіи.

Второй способъ былъ примѣненъ основаніемъ, въ 1887 г., литературнаго союза, въ который вошли: Англія (со всѣми ея колоніями), Германія, Бельгія, Италія, Франція, Испанія, (всѣ эти государства съ ихъ колоніями), Швейцарія, Люксенбургъ, Монако, Гаити и Тунисъ. Этотъ способъ имѣетъ двоякое преимущество для государства, неопытнаго еще въ дѣлѣ заключенія международныхъ литературныхъ соглашеній: во-первыхъ, продолжительной предварительной практикой сепаратныхъ конвенцій между собой, государства, подписавшіе общую Бернскую конвенцію [1]), могли внести въ переговоры весь свой прежній опытъ, предвидѣть всевозможные случаи, касающіеся юридической гарантіи умственной собственности и достаточно согласовать взаимные интересы контрагентовъ. Во-вторыхъ, всякое новое присоединеніе къ этому союзу не сопряжено съ долгими дипломатическими переговорами, ни съ посторонними политическими или коммерческими соображеніями, ни національными симпатіями или антипатіями.

Достаточно простое заявленіе согласія охранять у себя, на основаніи постановленій Бернской конвенціи, права авторовъ національностей, вошедшихъ въ литературный союзъ.

Проще всего, слѣдовательно, было бы для Россіи примкнуть къ этому союзу. Но это присоединеніе представляетъ теперь нѣкоторыя неудобства. Практика по международному литературному праву для Россіи почти не существуетъ. Опытъ заключенныхъ въ 1861 и 1862 гг. русско-французской и русско-бельгійской конвенцій мало къ чему можетъ служить, такъ-какъ особо интересующее русское общество, авторовъ и издателей право на переводъ въ этихъ конвенціяхъ не было оговорено, а другія постановленія, по недостаточной выработанности, давали только матеріалъ придирчивому сутяжничеству и мало охраняли истинные интересы заинтересованныхъ *). Съ другой стороны, постановленія о срокѣ права на переводъ Бернской конвенціи могутъ показаться нѣкоторымъ русскимъ изда-

---

*) См. статьи этой конвенціи въ приложеніи (въ концѣ книги).

телямъ дешевыхъ журналовъ несогласуемыми съ интересами ихъ читателей. Срокъ права автора на переводъ установленъ (ст. 5 Бернской конвенціи), 10 лѣтъ, считая отъ 31 декабря года появленія оригинальнаго сочиненія. Самъ по себѣ этотъ срокъ не можетъ считаться особенно продолжительнымъ, такъ какъ иногда авторъ становится извѣстнымъ заграницей и много лѣтъ по истеченіи его; всего чаще это можетъ случиться съ именемъ ученаго, и свободный переводъ его сочиненія можетъ нанести, какъ ему, такъ и обществу, тотъ нравственный вредъ, о которомъ мы говорили выше. Но все же для теперешняго издательскаго дѣла въ Россіи 10 лѣтъ *исключительнаго* права на переводъ можетъ показаться преувеличеннымъ. Мы увидимъ сейчасъ, какимъ образомъ возможно рѣшеніе этого вопроса практически.

Третій способъ,—частныя соглашенія,—имѣетъ, въ особенности для Россіи, то удобство, что онъ предоставляетъ двумъ договаривающимся сторонамъ свободу соглашенія на обоюдно выгодныхъ условіяхъ. Такія сепаратныя конвенціи существуютъ между Франціей и Австро-Венгріей, Франціей и Португаліей, Франціей и Голландіей, Франціей и Швеціей и Норвегіей, Франціей и Мексикой, Франціей и Экваторомъ, Франціей и Сальвадоромъ, и т. д. и т. д., не считая отдѣльныхъ соглашеній между членами литературнаго союза, съ особыми, отъ Бернской конвенціи, постановленіями.

Для Россіи способъ заключенія частныхъ конвенцій особенно удобенъ потому, что она можетъ предложить выгодныя ей условія по отношенію къ праву на переводъ. Другія постановленія, принятаго до сихъ поръ международнаго законодательства о правѣ автора, не могутъ имѣть много противниковъ въ Россіи. Даже вопросъ о перепечатываніи публицистическихъ и политическихъ статей, выписокъ и извлеченій изъ книгъ, газетъ и журналовъ, воспроизведеній новостей (faits divers), составленій христоматій и другихъ однородныхъ сборниковъ научнаго, литературнаго, музыкальнаго и художественнаго характера, въ виду образовательнаго ихъ значенія, разрѣшенъ въ смыслѣ желательномъ для русскихъ противниковъ международныхъ правъ автора. Слѣдовательно не можетъ быть опасенія натолкнуться на чрезмѣрныя требованія и въ этомъ отношеніи *) Сепаратныя конвенціи представляютъ еще то удоб-

*) См. Бернскую конвенцію въ приложеніи.

ство, что позволяютъ одновременно вырабатывать такое внутреннее законодательство, которое данная страна находитъ наиболѣе выгоднымъ для ея внутренняго книжнаго дѣла и умственнаго развитія въ согласіи съ условіями, которыя она считаетъ возможнымъ ввлючить въ международный литературный договоръ.

Пусть не думаютъ также, что я особенно выставляю выгоды сепаратныхъ конвенцій съ исключительной цѣлью заключенья франко-русской конвеціи подъ вліяніемъ недавняго обмѣна «братскаго поцѣлуя». Мы видѣли, что стремленіе Франціи заключить съ Россiей литературную конвецію гораздо давнѣе и что, выраженіе обоюдныхъ симпатій не было первоначальной причиной настоящей новой попытки къ правильному установленію международныхъ литературныхъ отношеній между Россiей и Франціей; авторитетные голоса въ пользу этого установленія начали раздаваться въ послѣднее время въ самой Россіи. Вы знаете, кромѣ того, что Франція уже давно вошла въ союзъ и заключила частныя конвенціи съ государствами, съ которыми она находится въ менѣе дружескихъ отношеніяхъ чѣмъ съ Россiей. Нѣтъ, починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ ей главнымъ образомъ потому, что она всегда была во главѣ странъ, ратовавшихъ за справедливость и пользу охраны духовной производительности всего человѣчества. Одна изъ первыхъ литературныхъ конвенцій была заключена Франціей. Она была единственная, которая, декретомъ 1852 г., охраняла у себя права иностранныхъ авторовъ безъ условія взаимности. Единственное существующее въ цивилизованномъ мірѣ интернаціональное литературное и художественное общество было основано французскимъ поэтомъ, Викторомъ Гюго; комитетъ этого общества засѣдаетъ въ Парижѣ, членами его состоятъ самые извѣстные писатели и художники всѣхъ національностей; со времени Парижскаго литературнаго конгресса 1878 года, общество это является центромъ обсужденія всѣхъ международныхъ литературныхъ и художественныхъ вопросовъ и беретъ на себя иниціативу выработки и постановки ихъ передъ литературными конгрессами, рѣшенія которыхъ оно же старается ввести въ практику. Насколько дѣйствія его французскихъ членовъ бываютъ безкорыстны, можетъ послужить доказательствомъ слѣдующій фактъ, касающійся русскихъ авторовъ: г. Борзенко предложилъ Миланскому литературному конгрессу 1892 года вы-

разить желаніе (le voeu), чтобы внутреннее русское право автора было бы улучшено. Итальянскіе делегаты, въ особенности извѣстный помпозиторъ Бойто, заявили, что безъ уравненія правъ иностранныхъ авторовъ съ правами русскихъ авторовъ, конгрессу незачѣмъ заниматься этимъ вопросомъ. На это непременный секретарь парижскаго интернаціональнаго общества, Жюль Лермина, отвѣтилъ, что международный конгрессъ литераторовъ и художниковъ можетъ заняться обсужденіемъ улучшенія правового положенія русскихъ авторовъ и безъ условія требованія одинаковыхъ выгодъ для иностранныхъ авторовъ. Г. Лермина нашелъ поддержку у своего соотечественника, исвѣстнаго адвоката и президента конгресса, Пулье и ихъ мнѣніе было принято.

Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что Франція самая заинтересованная въ заключеніи литературной конвенціи съ Россіей, такъ-какъ она уже теперь охраняетъ у себя, въ силу декрета 1852 г., всѣ права русскихъ авторовъ, за исключеніемъ права на переводъ. Такъ, что касается музыкальныхъ произведеній, парижскій издатель Дюрдюлли напримѣръ, уплатилъ за прѣво французскаго изданія «Жизни за царя» слѣдуемый гонораръ собственникамъ этой партитуры. То же было соблюдено и при постановкѣ оперы Глинки въ Ниццѣ въ 1890 году.

Покойный Чайковскій состоялъ членомъ французскаго общества композиторовъ, и не проходило недѣли, чтобы общество это не получало въ его пользу гонораръ за исполненіе произведеній русскаго композитора на какомъ нибудь публичномъ французскомъ концертѣ.

Но въ тоже время, при такихъ условіяхъ, т. е. при отсутствіи такихъ-же гарантій для французскихъ произведеній въ Россіи. понятна неохота французовъ къ дальнѣйшему распространенію у нихъ русскихъ музыкальныхъ и художественныхъ произведеній.

Имѣя, слѣдовательно, достаточно поводовъ, чтобы взять на себя починъ предложенія Россіи примкнуть къ правовимъ порядкамъ о литературной собственности, установившихся во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, она тѣ мъне менѣе можетъ говорить только отъ своего имени, предоставляя другимъ націямъ слѣдовать ея примѣру.

Остается теперь разсмотрѣть удобства и недостатки четвертаго способа охраненія международныхъ правъ автора,

способъ, примѣненный американскимъ закономъ Платтъ-Симонда. Внутреннымъ закономъ одновременно охраняются въ данной странѣ права національныхъ и иностранныхъ авторовъ, но подъ условіемъ взаимности, что ограждаетъ интересы первыхъ и заграницей. Несомнѣнно, что этотъ способъ имѣетъ выгоды и литературнаго союза, устраняя необходимость дипломатическихъ переговоровъ и сепаратнаго соглашенія, позволяя одновременно заняться выработкой внутренняго и внѣшняго авторскаго права, не подчиняясь чужимъ условіямъ. Но есть и неудобство: не всегда разъ выработанный международнаго характера законъ можно примѣнять къ разнороднымъ случаямъ внѣшнихъ умственныхъ сношеній. Россія пожелаетъ, напримѣръ, поставить болѣе льготныя условія соплеменнымъ государствамъ, или, въ другихъ случаяхъ, ей представится умственная производительность государства, отличнаго настолько отъ другого, количественно или качественно, что нельзя будетъ примѣнить къ нимъ одинъ и тотъ же масштабъ, заранѣе и разъ навсегда установленный.

Кромѣ того, законъ Платтъ-Симонда имѣетъ также въ виду большее отечественное развитіе книжной торговли и типографскаго дѣла, постановляя, что книги, фотографіи, литографіи и хромо-литографіи, только тогда охранены, когда они «напечатаны съ набора, приготовленнаго на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, или съ клише, сдѣланнаго при помощи такого же набора, или съ негативовъ и камней, также приготовленныхъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ». Но, что касается книгъ, постановленіе это относится только къ напечатаннымъ на англійскомъ языкѣ и оно указываетъ, такимъ образомъ, на цѣль защитить сѣверо-американское типографское производство, главнымъ образомъ, противъ одноязычной Англіи. Сочиненія, напечатанныя на всѣхъ другихъ языкахъ, могутъ быть свободно ввозимы въ С-Штаты и права автора на нихъ, въ случаѣ взаимности, вполнѣ охраняются, до права на переводъ включительно, хотя бы онъ былъ изданъ и заграницей, также какъ и всякій не-англійскій текстъ *).

Россія не имѣетъ тѣхъ же причинъ охраны правъ иностраннаго автора, т. е. подъ условіемъ напечатанія книги на русскомъ

---

*) См. полный текстъ закона Платтъ-Симонда въ приложеніи.

языкѣ въ предѣлахъ ея территоріи. Большого, равнаго ей по силѣ культурнаго и промышленнаго развитія и говорящаго на одномъ съ ней языкѣ государства не существуетъ.

Какъ бы то ни было, не мое дѣло рѣшать какой изъ четырехъ способовъ, приведенныхъ здѣсь, наиболѣе выгоденъ Россіи. Рѣшеніе это принадлежитъ будущей компетентной международной коммиссіи, если таковая будетъ назначена. Цѣль моя была изложить передъ вами доводы необходимости и общей пользы для Россіи установленія международныхъ правъ авторовъ и показать практическія средства къ выполненію этой задачи.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мнѣ остается только дать нѣкоторыя указанія на возможность согласовать интересы авторскаго права на переводъ съ интересами русскихъ издателей дешевыхъ повременныхъ изданій. Можно, какъ я сказалъ выше, оставить вездѣ принятый срокъ права автора на переводъ, т. е. 10 лѣтъ. Слѣдуетъ только обусловить, что авторъ долженъ издать, или поручить изданіе перевода своего сочиненія, не позже какъ черезъ годъ послѣ 31 декабря года появленія оригинала. Если въ продолженіи этого срока условіе это не будетъ выполнено, то, по истеченіи его, всѣ имѣютъ право переводить сочиненіе безъ предварительнаго разрѣшенія автора, съ уплатой только минимальнаго гонорара, напримѣръ, въ одну копѣйку со строчки. Если же авторъ успѣетъ сойтись съ издателемъ, или самъ издастъ переводъ своего сочиненія въ продолженіи назначеннаго срока, то этотъ *первый* переводъ дѣлается исключительнымъ достояніемъ перваго издателя, въ продолженіи, напримѣръ, шести мѣсяцевъ отъ выхода въ свѣтъ всего перевода. Послѣ этого срока, всѣ могутъ переводить на указанныхъ уже основаніяхъ, или даже просто перепечатывать первый переводъ, уплачивая еще по одной копѣйкѣ со строки переводчику или издателю перваго перевода, смотря по условію между ними. Но эти перепечатки, или вторичные переводы, не могутъ помѣщаться, напримѣръ, въ продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ, какъ только въ повременныхъ изданіяхъ, а не въ отдѣльныхъ книжкахъ.

Такимъ образомъ, можетъ быть соблюденъ интересъ и автора и перваго издателя и вторичныхъ, такъ какъ за ту же минимальную цѣну, уплачиваемую этими послѣдними теперь, они не только могутъ переводить, но даже перепечатывать несо-

мнѣнно хорошій переводъ, такъ какъ въ интересахъ перваго издателя не вызвать впослѣдствіи необходимость новаго перевода и въ тоже время не утерять выгоды многократнаго воспроизведенія изданнаго имъ перевода въ журналахъ и газетахъ.

Этимъ способомъ устраняется въ то же время всякая возможность издательскихъ монополій на переводы или злоупотребленій агентуръ.

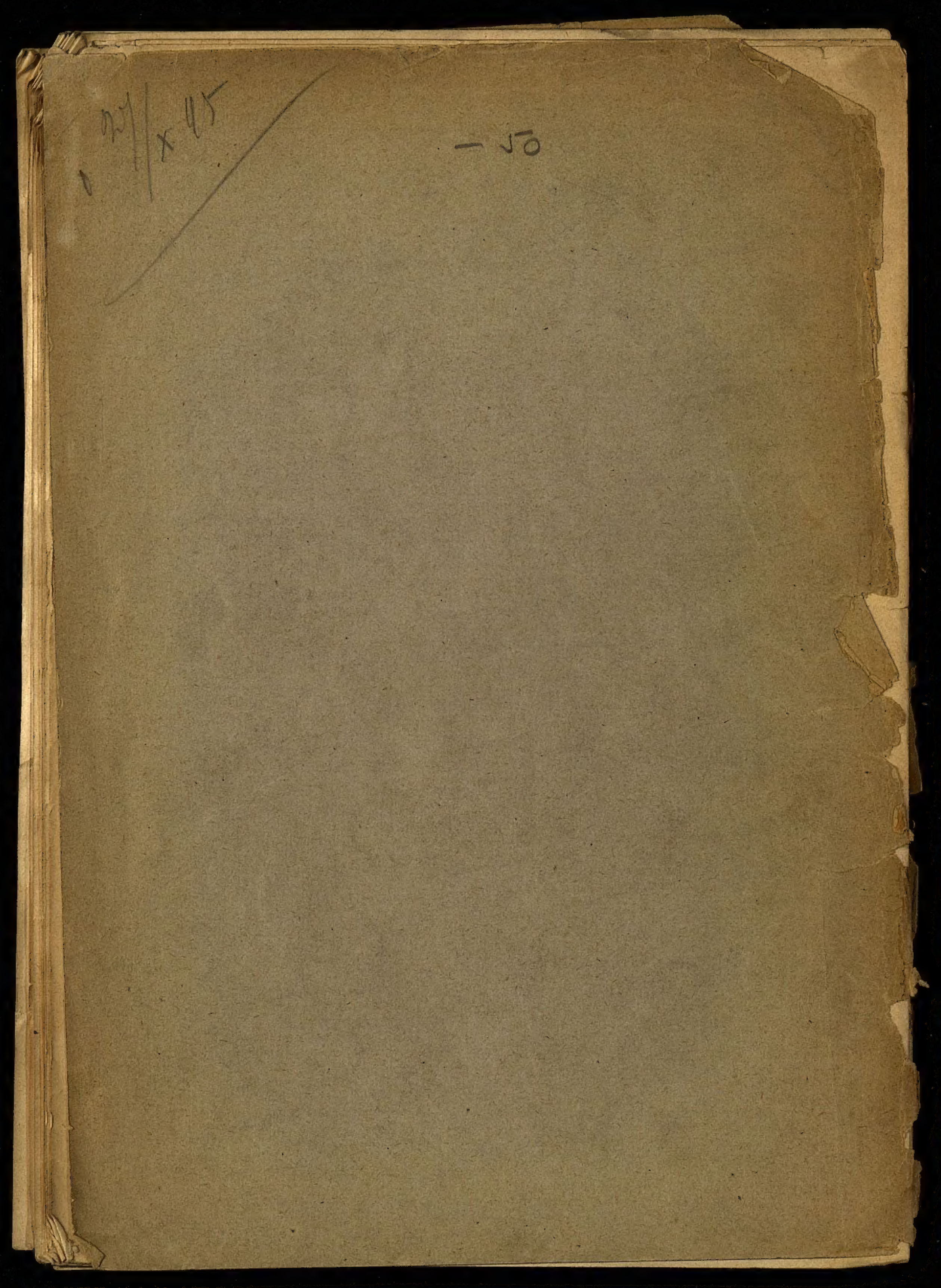
Эти агентуры, бывшія уже причиной нѣкоторыхъ злоупотребленій, могутъ оказаться и совершенно излишними, если, напримѣръ, Русское Общество книгопродавцевъ и издателей взяло бы на себя, по образцу иностранныхъ однородныхъ учрежденій, посредничество въ дѣлѣ международныхъ сношеній русскихъ авторовъ и издателей съ иностранными авторами и издателями. Такимъ образомъ можетъ быть устранено и неудобство, пугающее нѣкоторыхъ издателей, необходимости вести переговоры и переписку съ иностранными авторами и издателями по каждому отдѣльному случаю. Русское Общество книгопродавцевъ и издателей,—членами котораго могутъ сдѣлаться и заитересованные авторы,—установивъ съ такими же заграничными обществами постоянныя сношенія, можетъ довести до минимума, даже до извѣстной установленной нормы, заботы по разрѣшенію и назначенію обыкновеннаго гонорара за право перваго перевода, и просто получать взносы разъ назначенной платы за вторичные переводы и перепечатки, какъ оригиналовъ, такъ и переводовъ, какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами ея, и контролировать дѣятельность заграничныхъ однородныхъ учрежденій по отношенію къ интересамъ русскихъ авторовъ и издателей въ иностранныхъ государствахъ. Возможность этой дѣятельности русскаго учрежденія показываетъ примѣръ удачной организаціи и дѣйствія въ самой Россіи Общества драматическихъ писателей и композиторовъ. Это послѣднее можетъ, въ своей сферѣ, и съ той же цѣлью, развить свою дѣятельность и завязать сношенія съ однородными ему заграничными обществами.

Отчетъ о дѣйствіи перваго десятилѣтія Общества книгопродавцевъ и издателей показываетъ, что и оно уже много сдѣлало на пользу развитія книжнаго дѣла въ Россіи. Оно можетъ сдѣлать еще больше и въ только что намѣченной области. Оно достаточно организовано для этой цѣли и обладаетъ очень по-

лезнымъ въ этомъ отношеніи органомъ а именно: «Книжнымъ Вѣстникомъ». Новое дѣло дастъ Обществу только новыя средства къ дальнѣйшему преуспѣянію.

И такъ, М. Г., я обращаюсь къ вамъ, какъ къ наиболѣе компетентнымъ въ вопросѣ, къ вашему Обществу, какъ къ одному изъ непосредственно заинтересованныхъ и голосъ котораго былъ услышанъ правительствомъ, когда оно справедливо ходатайствовало, мы видѣли почему, объ отмѣнѣ, въ 1886 году, франко-русской конвенціи 1861 года. Въ настоящее время положеніе, я думаю, измѣнилось; вопросъ становится иначе и одно изъ русскихъ государственныхъ учрежденій, какъ я сказалъ выше, само вамъ подало примѣръ. Смѣю надѣяться, что доводы, мною приведенные, въ достаточной мѣрѣ доказываютъ, что установленіе международнаго права автора въ Россіи не только выгодно, нравственно и матеріально, русскимъ авторамъ и издателямъ, но еще служитъ на пользу умственнаго и художественнаго развитія всего русскаго общества. Пусть и нашимъ дивизомъ будетъ, истинно понятое «Salus populi—suprema lex».

27/x 45
— 50